

Ида Мартин

Туговишцы

У каждой тайны есть своя цена

Young Adult. В лабиринте страха

Ида Мартин

Пуговицы

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мартин И.

Пуговицы / И. Мартин — «Эксмо», 2023 — (Young Adult. В лабиринте страха)

ISBN 978-5-04-180106-9

От автора молодежных бестселлеров Иды Мартин! Мистический триллер о детских травмах, первой любви и настоящей дружбе. Каждую ночь Микки мучает один и тот же кошмар. Она уверена, что это как-то связано с учительницей физкультуры, исчезнувшей прошлой весной. Внезапно найденный возле школы труп лишь усиливает подозрения Микки: она решает выяснить, кто стоит за страшным преступлением. Но чем больше Микки узнает, тем сложнее становится удержаться за реальность и не пропасть в лабиринтах хаоса. Ее родственники, учителя и друзья — все от нее что-то скрывают. Ее чувствами манипулируют, упорядоченный мир разваливается на части, а способный вытащить из всего этого нарисованный парень никак не приходит. И, чтобы распутать клубок тайн, Микки должна сделать самое важное — разобраться в себе и посмотреть своим детским страхам в глаза. «Книга, которая окутает вас паутиной загадок. Где правда, а где плод воспаленного воображения? Когда кажется, что весь мир против тебя, а твоя пуговица жизни висит на тонкой ниточке, остаётся лишь одно — крепче держаться за тех, кто рядом. Но иногда и этого недостаточно...» — Вика @skiter_vika

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180106-9

© Мартин И., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	46
Глава 8	54
Глава 9	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Ида Мартин

Пуговицы

© Мартин И., 2023

© ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Так как хуже уже быть не могло, стало лучше.
Ф. Кафка

Глава 1

Первые две недели после того вечера этот сон снился мне каждую ночь. Порой он тянулся невыносимо долго, со всеми подробностями и страхами, а бывало, врывается короткой панической вспышкой, оставляя неприятное и тревожное послевкусие.

Разбитое зеркало, распахнутое окно, женский силуэт на его фоне. Лица женщины я никогда не могу разглядеть, хотя очень стараюсь. Странная и пугающая беспомощность.

Тем не менее мне прекрасно известно, кто эта женщина. Ведь все это происходило на самом деле, просто мозг отчего-то заиклился и поставил на повтор не самое приятное воспоминание.

«Это ты во всем виновата. Ты сама. Помни об этом всегда!»

Я вижу капельки крови на своей бледно-голубой футболке и на кафельной плитке. Я хочу объяснить ей, что ни в чем не виновата, но никак не могу, потому что слишком старательно всматриваюсь в ее лицо, словно это принесет избавление.

Женщины я не боюсь, но от резких слов и упреков делается больно, мучительно плохо. Я поворачиваюсь к зеркалу и вижу в нем себя, покрытую трещинами, искаженную и мерзкую. Вот отчего мне по-настоящему жутко.

Потом она стала сниться мне реже, а спустя месяц сюжет сна перестал быть повторяющимся и однообразным. Иногда я разбивала зеркало, иногда она, временами мне казалось, что я, переполненная ее жгучей ненавистью, смотрю на себя со стороны, и я просыпалась в слезах от невыносимой жалости к себе.

Вот уж не ожидала, что могу быть столь впечатлительной.

В моей жизни много раз складывались неприятные ситуации, но ни одна не снилась с такой невыносимой настойчивостью.

– Может, ты чувствуешь перед ней вину? – предположила Лиза, когда я в очередной раз пожаловалась ей на надоевший сон.

– Нет конечно. Она взбесилась на ровном месте.

– Ну да, ну да. – Лиза иронично покивала. – Я помню, что в намеренном соблазнении Томаша у Нади на глазах ты отказываешься сознаваться.

– Потому что такого не было!

– Давай не станем начинать заново? Такое было, и Надя это видела. Без разницы, по чьей инициативе – твоей или его, но то, что ее бомбануло именно поэтому, сомнений нет. А вот почему она тебе снится, понятия не имею. Я знаю, как избавиться от прыщей, секущихся волос и надоедливых парней, а как от плохих снов – без понятия.

Была уже середина лета. Июль. Стояла жара. Москва утопала в сухой автомобильной пыли. Затянутое смогом небо почти не дышало, и солнце, с трудом пробиваясь через его толщу, изматывало духотой. Мы валялись на сизой лужайке возле искусственного, обложенного бетонными плитами пруда, в котором запрещалось купаться, и время от времени мочили в нем ноги.

Уехать на каникулы нам с Лизой было некуда, приходилось маяться в городе. Раз в неделю, по субботам, мы катались в Серебряный Бор, чтобы искупаться, но каждый день дороги обходился дорого. На одно метро туда-обратно – сто рублей.

– Странно все же, что Надя так внезапно ушла. Из-за этого сна я часто ее вспоминаю.

– Вовсе не странно. – Лиза села, обхватив колени. – Директриса узнала о ее развратных похождениях и уволила.

– Это только твои догадки.

– Пусть догадки. Зато известно, кто точно в курсе...

Щурясь на солнце, она с призывной насмешкой продолжала на меня смотреть.

– Ну чего тебе? – вспыхнула я, чувствуя, к чему она клонит.

– Ты все еще его любишь?

– Я никого не люблю.

– Это ты будешь Бэзилу заливать. – Она снова откинулась на траву.

Лиза была красивая. Броская – крашенная блондинка с огромными карими глазами. Папа у нее был армянин, а мама – украинка. Эта гремучая смесь крови подарила Лизе здоровый цвет лица, меланхоличный взгляд, большой рот, идеально ровные белые зубы и отличную фигуру. Ростом Лиза была чуть ниже меня, но ее груди и попе я откровенно завидовала.

В списке моих достоинств они точно не значились. Зато мне неведомо слово «диета» и лишние килограммы, что, по Лизиним словам, очень облегчало жизнь.

Впрочем, моя внешность меня вполне устраивала. Красавицей я себя не считала, но по количеству внимания, получаемого от противоположного пола, нетрудно было догадаться, что с этим у меня все в порядке. Только в отличие от Лизы я это внимание не очень-то жаловала. Оно хоть и льстило самолюбию, но потом еще больше угнетало, ведь с ним нужно что-то делать: оправдываться, словно я в чем-то виновата, и муторно разжевывать, почему не могу ответить взаимностью.

Именно поэтому для решения этих и других неприятных моментов мне и понадобился Бэзил. Вообще-то мы с Васей Степиным были друзьями. Нормальными, обычными друзьями без всяких там френд-зон или неосознанных влечений. Просто нам обоим было выгодно, чтобы другие считали, будто мы вместе. Ему – отшивать надоевших девушек, ссылаясь на то, что я «все узнала», а меня избавляло от ненужных поклонников и объяснений.

Совсем рядом послышался странный шум. Мы с Лизой резко сели. Неподалеку стояла странного вида старушка в смешной панамке и кормила огромную стаю голубей. Хлопанье их крыльев и заставило нас вскочить.

Старушка сыпала крупу из прозрачного пакетика. К голубям со всех ног примчался малыш лет четырех и с криками «Птички!» ворвался в голубиную стаю. Птицы шумно вспорхнули.

За мальчиком не спеша шел ухмыляющийся папаша – высокий круглоголовый лысый мужик. Старушка с укором посмотрела на мальчика и переместилась в другое место, мальчик с папой дождался, пока она насыплет крупу и голуби, громко курлыкая, слетятся к ее ногам. Затем, завопив «Птички!», мальчик бросился их разгонять, а папаша довольно захохотал. Старушка расстроено покачала головой и побрела дальше. Голуби летели за ней.

Отец с сыном продолжали настойчивое преследование. Старушка пыталась прибавить шаг, но в соревновании с ними у нее не было ни малейшего шанса. Малыш визгливо заливался, его родитель гоготал басом. Так повторилось несколько раз. Старушку было жалко.

– Помогите! – вдруг громко крикнула Лиза и, широко раскинув руки, упала навзничь.

Мужик посмотрел в нашу сторону. Старушка тоже обернулась, мальчик застыл как вкопанный, голуби взлетели.

– Помогите! – Я помахала мужику.

Тот замешкался, потом подозвал сынишку и направился к нам.

– Идет, – предупредила я Лизу, – сделай мученическое лицо.

– Что такое? – Мужик нарисовался возле меня.

– Моей подруге плохо.

– Нужно «Скорую» вызвать, – выдал он глубокомысленно.

– Не нужно, – отрезала я. – Отнесите ее на лавку, а я воды наберу.

Мужик оценивающе оглядел Лизу. Судя по всему, ее прекрасный вид придал ему героической решимости.

– Ладно. – Оголяя поясницу и жирные складки на боках, он неуклюже наклонился, поднял Лизу и понес на лавочку.

Ребенок побежал за ними. Еле сдерживая смех, я кинулась к растерянной старушке и скороговоркой выпалила: «Уходите, пока мы их отвлекаем».

Некоторое время она непонимающе смотрела, но потом в ее глазах блеснул хитрый огонек.

– Может, все-таки «Скорую»? – предложил мужик, усадив Лизу на лавку.

Для такого непробиваемого тупаря он проявил удивительное участие.

– Пти-и-чки! – растопырив пальцы, печально протянул мальчик.

Мы повернулись в ту сторону, куда смотрел ребенок. Старушка исчезла, голуби тоже.

– Улетели, – пробубнил папаша.

– Бабушка ушла, – подтвердила я.

Лиза тут же встала с лавочки, одернула на попе сарафан и поправила декольте.

– Спасибо, – сказала она озадаченному мужику, – я всегда в обморок падаю, когда вижу невоспитанных детей.

– Не понял! – Мужик напрягся.

Тогда Лиза зачем-то показала ему язык и заливисто расхохоталась.

– Это что, шутка такая? – Лысина мужика покрылась испариной.

– Это праведное возмездие. – Я показала ему средний палец.

Мы бежали и смеялись, хотя мужик и не собирался догонять.

После пруда у нас были запланированы поход в торговый центр и традиционный перекус в кафе. Но Лизе вдруг захотелось яблок, и мы зарулили в шатры ярмарки выходного дня. Внутри пахло свежими фруктами и зеленью.

Мы пошли вдоль рядов, грустно постояли над черешней и абрикосами, которыми торговали вредные толстые тетki, но зато получили по паре бесплатных яблок от Рустама, а также чурчхелу с маленьким кульком соленого арахиса от Фазиля. Задерживаться и любезничать с ними не стоило, иначе они могли вообще не отстать. Закинув презенты в пакетик с ручками, мы быстренько двинулись на выход.

За рядами с медом и сухофруктами располагались прилавки с постельным бельем, тапочками, солнцезащитными очками и всякой бытовой ерундой вроде веников и прихваток.

Проходя мимо столика с вязаньем и рукоделием, я вдруг заметила ту самую старушку с голубями. Она оживленно болтала с продавщицей. Просто удивительно, как она могла дойти так быстро. Ведь мы с Лизой полпути бежали, а на рынке провели не больше пятнадцати минут. Я показала Лизе на нее пальцем, и в этот момент старушка повернулась в нашу сторону. Мы встретились глазами, и она поманила нас рукой.

– Идите-ка сюда, хочу отблагодарить вас.

– Не нужно, – откликнулась я, – мы просто дурачились.

– Иди-иди. – Старушка продолжала настойчиво махать рукой.

Ничего не оставалось, как подойти.

Грузная смуглолицая продавщица в цветастом платке, повязанном наподобие банданы, и мешковатом фартуке на выпирающем животе с подозрением смотрела на нас исподлобья.

Стена позади нее была увешана вышивками и вязаными ковриками в два ряда, а столик забит разноцветными нитками, пуговицами и тряпочками.

– Вот эти девчонки, – сказала ей старушка.

Женщина сурово покачала головой и, смерив нас придиричивым взглядом, откинула дощечку, перекрывающую проход за прилавком:

– Заходите!

– Зачем? – насторожилась я.

– Погадаю вам.

– Правда? По-настоящему? – не дав мне и рта раскрыть, тут же зажглась Лиза.

– Кривда, – буркнула женщина.

Вид у нее был такой, будто мы ее долго упрашивали и теперь она соизволила сделать одолжение.

– Ладно, идем, – потянула я Лизу на выход. – Все равно это вранье и обман.

– Почему обман? – Слух у продавщицы оказался превосходным.

– Ничего-ничего, – подбадривающе похлопала меня по плечу старушка. – Гуля добрая и всю правду вам скажет.

– У нас денег нет, – нашлась я.

– За гадание денег не беру, – фыркнула Гуля. – Короче, кто смелый, тот заходит, кто недоволен, проходит мимо. Мне торговать надо, а не время на вас терять.

Пока она не сказала про «смелый», я собиралась уйти.

– Давай попробуем, – попросила Лиза. – Мне очень любопытно.

Пришлось уступить.

Мы зашли к Гуле за прилавок и там между двумя рядами ковриков увидели три табуретки. Одна из них служила столиком. На ней стояли чашки и пепельница. Гуля быстро их убрала и выудила из кармана фартука колоду карт Таро.

– Кто первый? – Плюхнувшись на табуретку, она широко расставила ноги в домашних тапочках.

– Давайте я. – Лиза торопливо заняла место напротив нее.

Между ними стояла пустая табуретка-стол.

– Ты пока будь там, – ладонью пресекла Гуля мою попытку подойти, – а то энергетiku всю нам попортишь.

Я остановилась, чувствуя смутное сожаление, что мы повелись на эту разводку, и пытаюсь сообразить, как и на что Гуля рассчитывает нас кинуть. Но, даже если она нас загипнотизирует, денег у нас на двоих было от силы рублей пятьсот.

– Задумай вопрос, – велела она Лизе.

Ловко перетасовав колоду, Гуля разровняла ее ладонью по поверхности табуретки, превратив в полукруг.

– Выбери шесть карт, но сама не трогай. Просто показываешь мне. Ясно?

Лиза принялась быстро тыкать наманикюренным пальчиком в рубашки карт.

Гуля по очереди выложила в ряд выбранные карты и перевернула. Нахмутив лоб, осмотрела их и уперла руки в разведенные колени.

– Отчужденность, безразличие, скука, – заговорила она монотонным пророческим голосом, – все стало слишком привычным. Ты не позаботилась о том, чтобы завершить начатое, и не получила чего хотела. Теперь контроль над событиями потерян. Наступает время терпеливого ожидания, но исход его не гарантирован, а успех соединен с разочарованием. Кругом ошибки и рассеянность. Тебе грозит смертельная опасность от друга, – Гуля бросила взгляд на меня, – или подруги. Но будешь воздержанной, ничего не случится. Ответ на вопрос – время. Оно твой союзник.

Тяжело выдохнув, Гуля откинулась назад, обозначая, что закончила. Лиза недоуменно потрясла головой.

– Я думала, вы скажете что-то нормальное. – Лиза обиженно пожала плечиком и встала.

Гуля навела на меня палец:

– Теперь ты.

– Не, мне не надо. Я про себя и так все знаю.

– Спроси ее про сон, что он значит, – сказала на ухо Лиза.

– Ладно. – Я заняла ее место, и Гуля разложила передо мной карты.

Я выбрала шесть наугад. Она их раскрыла.

Красивые, цветные картинки с изображением человеческих фигур, зверей и различных предметов. Раньше я никогда не видела карты Таро так близко. На первой карте была изоб-

ражена стоящая за забором из мечей женская фигура со связанными руками и завязанными глазами. На второй – огромная луна с лицом и воющими на нее собаками. Следующей шла перевернутая вверх ногами королева в ярко-желтом платье, за ней – парень в средневековой одежде с охапкой мечей. Женщина на пятой карте сидела в кровати и прятала в ладонях лицо, а на потолке витали страшные тени. Последняя карта называлась Справедливость – человек в красной мантии на троне.

– Ты в клетке, и ты попала, – глухо произнесла Гуля. – Что-то надвигается, и вероятность совершить ошибку очень высока. То, что вчера казалось ясным, скоро покроется мраком. Днем в лесу спокойно, но ночью тени оживают. Несчастливая, трагическая ситуация, тяжелая потеря, скорбь, шантаж и стыд. Упорство в отстаивании неправильных решений. Бессмысленная ложь. Ты открываешь глаза на истину, возле которой нет места счастью. Дурные последствия прошлого. Боль, усталость и желание изменить все к лучшему. Бояться стоит не событий, а будущего.

Гадалка смотрела на меня так, словно это я должна была ей что-то объяснить. Но, судя по тому, какие слова она произносила, все было плохо. Что, в общем-то, не сильно удивляло. Я уже давно выросла из ожидания чудес.

– Ищи причину в женщине – взрослой, гордой и ревливой. Она противостоит тебе. Отпустишь ее – и она отпустит тебя. Доверяйся не чувствам, а разуму. Видишь эту карту? – Гуля постучала по изображению человека в красной мантии. – Это кармическое правосудие, упорядочивание хаоса и оплата по счетам. Ты можешь признать свою вину, а можешь доказать невиновность. Но баланс необходимо восстановить, иначе потери продолжатся и конца им не будет.

Она замолчала. Я обдумывала сказанное. Станным образом этот общий набор фраз отзывался во мне интуитивным пониманием, хотя мы и договорились с Лизой не верить в плохое. Когда она сказала про женщину, с которой нужно договориться, я сразу подумала, что это очень подходит под мой вопрос. И все описанное в целом было довольно близко.

Я встала и кивнула Гуле:

– Спасибо.

Первый раз за все время она улыбнулась:

– Погодите, дам еще вам кое-что.

Покопавшись среди своих мешков, она вытащила из пакетика две пуговицы на ниточках и вложила Лизе в руку:

– Обереги от темных мыслей.

Мы поблагодарили ее и поскорее ушли. Можно сколько угодно убеждать себя в том, что я в гадания не верю, однако неприятный осадок все же остался.

– Нужно мне, наверное, найти Надю и поговорить с ней, – сказала я Лизе, когда мы вышли на воздух. – Узнать, почему она так резко уволилась. Может, я на самом деле в чем-то виновата перед ней, просто не отдаю себе в этом отчета?

– Где же ты ее теперь найдешь?

– У Тамары Андреевны спрошу. Слышала, что эта Гуля сказала? Что она отпустит меня, если я ее отпущу.

– Это значит, что ты должна перестать о ней думать.

– А как я перестану, если она мне снится?

– Вот тебе пожалуйста – замкнутый круг. Помнишь, весной, когда твоя Яга умерла, ты запретила своей матери на похороны приезжать? Я спросила почему, а ты сказала: «С глаз долой – из сердца вон».

Я пожала плечами:

– Ну, это я просто пошутила, чтобы не портить никому настроения рассказами о том, как я ее ненавижу.

– Сейчас то же самое. Зачем тебе видеть Надю? Быстрее забудется.

– Тогда я не знаю, что делать.

– Вот потому гадалка и сказала, что ты в клетке.

– Я еще помню про дурные последствия прошлого и что стоит бояться будущего.

– Все, хватит, – оборвала Лиза. – Мы же договорились не верить, а то я тоже начну думать, что из-за тебя меня ждет смертельная опасность. Извини, зря я тебя на это подбила. Просто всегда хочется услышать, что когда-нибудь все станет хорошо.

Проходя возле продуктового магазина, мимо нищего старикана с хозяйственной сумкой для подачек, Лиза выкинула в нее две наши пуговицы.

– Зачем ты это сделала? – удивилась я.

– Моя бабка, та, которая армянка, говорила, что чужие пуговицы носить нельзя. И на дороге или с пола подбирать тоже. Они могут забрать твою душу или свести с ума.

Глава 2

Хаос начинается с мелочей. С одной малюсенькой дырки на носке, со смятого фантика на полу, с пожелтевшего высохшего огрызка яблока среди бумаг, с промокших ботинок или отрывающейся пуговицы. Хаос похож на вирус: заразный и очень живучий, он может поселиться где угодно, забраться в твой мозг, в сердце или даже в душу. Зацепившись крохотным микробом за твою жизнь, он приживается и распространяется повсюду, куда сможет проникнуть.

Поддерживать порядок непросто, но еще сложнее избавиться от этого всепоглощающего хаоса.

Труп нашли во время третьего урока. У нас как раз шла физ-ра, и я, пробегая мимо окна, первая заметила странное скопление людей в палисаднике соседней многоэтажки, где и собачники-то нечасто гуляли, а уж тем более в такую мерзкую погоду.

Дождь лил две недели не переставая, и все вокруг: и дома, и деревья, и люди – пропиталось его влажным, промозглым холодом. Везде что-то текло, капало, шумело в водостоках, долбило по подоконникам, шелестело и разбрызгивалось под колесами машин. Октябрьская сырость пробирала до костей.

– Что там? – Не поднимаясь со скамейки освобожденных, Лиза подергала меня за футболку.

Но я продолжала вглядываться в непонятное сборище. Темные нахохлившиеся фигуры. Человек десять, и среди них несколько полицейских. То, что на земле перед ними что-то лежит, угадывалось смутно, совсем неясно, расплывчато из-за непрерывно текущей воды. Можно было строить догадки, однако особым разнообразием они не отличались.

За моей спиной возник Фил и, дурачась, придавил меня к подоконнику. Я отпихнула его плечом.

– Погоди, кажется, дело серьезное.

От моего дыхания стекло запотело, и Фил протер его рукой.

Два человека в полицейской форме растягивали между деревьями красные заградительные ленты.

– Пойдем посмотрим! – предложила я.

– Че такое? – к нам подскочил красный, разгоряченный Бэзил, шутливо оттолкнул обеими руками Фила, глянул в окно и присвистнул.

– Микки предлагает сходить. – Фил кивнул в сторону собравшихся.

Новый физрук проводил уроки в расслабленном режиме, и дверь зала всегда оставалась нараспашку. Выйти в туалет, попить – как нечего делать.

Пока весь класс увлеченно играл в волейбол, мы вчетвером: я, Лиза и Фил с Бэзилем – спокойно вышли из зала и рванули на первый этаж. Взяли в раздевалке куртки и, перескочив через турникеты на проходной, беспрепятственно оказались на улице.

К одиннадцатому классу мы уже не опасались наказаний ни за самоволку, ни за прогулы, ни за курение. Нас наконец оставили в покое, лишь бы мы нормально сдали ЕГЭ. Все остальное отошло на второй план.

Шлепая по лужам, мы пробежали по асфальтовой дорожке и обогнули школу. Среди деревьев палисадника октябрьское уныние ощущалось особенно сильно. Черные мокрые стволы, черная земля, сморщенные желто-коричневые листья на ней. Сырой холод просочился под куртку и, забравшись под штанины, пополз по голым ногам. Дождь моросил мелкий, но сплошняком. Выбившиеся из-под капюшона волосы быстро намокли.

Под окнами высотки собралось уже не меньше двадцати человек: кучка полицейских и чуть поодаль – зеваки. На подъездной аллее стояли две полицейские машины. Бэзил подошел к двум мужчинам в синих спецовках работников ЖКУ.

– Что там?

– Да трупешник, – охотно откликнулся тот, что помоложе, – в канализационном люке.

– Я нашел, – гордо добавил второй. – Они мне говорят: «Лезь», а я им: «Сдурели?» И так все в воде. Как в такой дождь работать? Хорошо дождевик всегда с собой ношу. Он много места не занимает. Сорок минут возился, пока крышку снял.

– И чего? – нетерпеливо перебил его Бэзил. – Что за трупешник?

– Откуда я знаю? Я как люк вскрыл, оттуда такая вонь шибанула, что я чуть сознание не потерял. Сразу в полицию позвонил.

Информация звучала ужасающе.

– Его достали? – с опаской спросила я из-за плеча Бэзила.

– Минут десять назад. Девка, похоже. Но там от нее рожки да ножки остались, так что лучше, ребят, не смотрите. А то спать не будете.

– Расчлененка? – с любопытством поинтересовался Фил.

Сантехник пожал плечами:

– Вроде нет, просто давно лежит. Но это не точно, труп был завернут.

Ничего больше не выясняя, Бэзил с Филом припустили туда, где суетились полицейские, а мы с Лизой, взявшись за руки, нерешительно двинулись за ними.

Я только раз видела в жизни мертвеца – мою бабуку Ягу, сбитую на пешеходном переходе прошлой весной. Она хоть и лежала в гробу и была намазана каким-то серым воском, ее безжизненное потустороннее лицо напугало меня до ужаса, хотя Яга и при жизни красотой не отличалась.

В Лизиных огромных карих глазах застыло нервное напряжение, словно в любой момент она кинется наутек. И от этого вполне понятного, но детского страха было немного смешно. Страшно, смешно и очень любопытно.

Однако приблизиться нам не дали: широко расставив руки, дорогу преградил мокрый серый дядька.

– Разворачиваемся и уходим. Тут вам не цирк.

– Нам надо, – сказала я, не зная, какое объяснение придумать. – Мы по делу.

Я всегда делала вид, будто имею права. Люди от этого терялись и начинали сомневаться в себе.

– По какому делу? – решил все же выяснить дядька.

– Насчет того трупа. – Я махнула рукой так, словно трупы лежали повсюду, а нам понадобился именно этот.

Дядька нахмурился:

– У вас есть информация?

Я неопределенно кивнула.

– Что-то знаете? Видели? – Он обвел нас недовольным взглядом.

На Лизином лице появилось отработанное годами и лучшее из ее репертуара выражение «Ниченезнаю».

– Возможно, – уклончиво ответила я.

Дядька вытащил из кармана визитку и протянул мне.

– По будням с двенадцати до пяти. Приходи, расскажешь. А сейчас идите отсюда.

– Хорошо, конечно, – сунув не глядя визитку в карман, энергично закивала я.

Изобразив покорность послушных школьниц, мы немного сдали назад и, обогнув разросшиеся кусты снежников, целенаправленно устремились к тому, что так зловеще-притягательно лежало возле колодезного люка. В этот момент полицейские как раз погнали оттуда парней, и нам удалось подобраться к трупу.

Невообразимое бесформенное вонючее нечто, обрывки серой ткани, бывшие когда-то одеждой, куски синюшной кожи, проглядывающие кости конечностей, бесцветная мочалка остатков волос, на месте лица – расплывчатое бугристое желеобразное пятно.

– Мамочки, – прогнусавила Лиза, зажав двумя пальцами нос.

– Крантец, – с чувством подтвердила я.

Из-под тела выглядывал кусок заплесневелой клеенки со стершимися контурами рисунка и сгнившими веревками по бокам.

– А ну кыш отсюда, – прикрикнул на нас кто-то сзади, и мы не без облегчения вернулись на пешеходную дорожку, между палисадником и школьным забором, где нас уже поджидали Фил с Бэзилем.

Остановились и несколько секунд с раскрытыми ртами жадно дышали.

– Ща блеванут, – заржал Фил.

– Не дожدهшься, – процедила сквозь зубы Лиза.

– Фигово выглядит. – Фил держал сигарету в кулаке, чтобы не намокла, и затягивался.

– Ясно, что фигово. – Бэзил курил, спрятавшись под капюшоном и выпуская дым себе под ноги.

– Она же типа мертвая.

– Представляете, может, мы учились, а ее тут убивали? – Лиза очень впечатлилась увиденным.

– Ткаченко, ты че? – Фил приложил ей ладонь ко лбу, якобы проверяя температуру. – Убивают вообще-то ночью.

Фил был высоким, красивым, с вьющимися каштановыми волосами, которые он тщательно укладывал, ямочкой на широком подбородке и смеющимися глазами, однако умом не отличался и соображал намного медленнее, чем разговаривал.

– Убивают всегда, – сказала я. – Вот мы тут стоим разговариваем, а прямо сейчас кого-то где-то убивают.

– Хватит пугать! – Лиза проворно расстегнула Филу куртку и нырнула под нее с головой.

На самом деле Фил с Лизой встречались только потому, что были нашими с Бэзилем друзьями и так было удобно всем.

Бэзил осмотрелся. Его пронзительный цепкий взгляд – единственное, что можно было различить под синим капюшоном.

– В темноте тут раздолье для маньяков, даже фонарей нет.

– Может, ее вообще не здесь убили. – По лодыжкам и загривку пробежали мурашки.

– Из того дома притащили, наверное. – Фил кивнул на белую высотку.

– Или из соседнего, – добавила Лиза.

– Кто-нибудь разглядел клеенку, на которой она лежала? – спросила я.

– Я не видел. – Бэзил докурил.

В школе прозвенел звонок, и здание тут же наполнилось монотонным гулом. Полицейские едва успевали тормозить вывалившихся на улицу ребят возле заградительных лент. В нашем корпусе учились только старшие классы, так что давалось им это непросто. Прибежали охранник Марат и завуч Ольга Олеговна.

Какое-то время мы молча наблюдали за суматохой.

– Что там, ребятки, приключилось? – к нам подошла повариха. – Убили, что ль, кого?

Среди мрачной серости ее не особо чистый халат, казалось, сиял белизной.

– Убили, – отозвался Бэзил.

– Батюшки, – ахнула она, с чувством всплеснув руками, – а кого?

– Женщину, – сказала Лиза, – вроде.

– Точно женщину, – подтвердил Фил.

Маленькие бесцветные глаза поварихи загорелись азартным любопытством.

– Изнасиловали?

– Мы свечку не держали, – буркнул Бэзил.

– Ее давно убили, – пояснила Лиза, – и спрятали в колодце.

– Может, забьем на физику? – предложил Фил, когда повариха свалила. – Подыхаю жрать хочу. Кто со мной в ТЦ?

С тем, что теперь странно идти на уроки, согласились все.

– Принесешь мои вещи, – попросила Лиза, – я вас на крыльце подожду.

Пока я переодевалась, только и думала, что о трупке. Неприятное зрелище, омерзительное. От одной мысли, что человек превращается в вонючую, тошнотворную гниль, делалось жутко.

Забрав Лизину сумку, я спустилась вниз и возле столовой рядом с умывальниками заметила Томаша. Облокотившись обеими руками о раковину, он стоял спиной ко мне. Я остановилась.

Слава Томаш пришел к нам в десятый, и все девчонки тут же в него влюбились: новый, красивый, таинственный парень, как в фильмах показывают.

Спокойный, умный, аккуратный, с лицом, которое смело можно было выкладывать в раздел «эстетика парней», и фигурой даже лучше, чем у Фила, а тот у нас считался чуть ли не Аполлоном.

Мне Томаш тоже понравился, но обычно парни сами влюблялись в меня, а у меня при всем желании влюбиться по-настоящему не получалось, так что я не придавала этому значения до тех пор, пока неожиданно Томаш не подкатил ко мне сам.

Действовал он осторожно и ненавязчиво: сначала мы переписывались, а потом он недели две провожал меня до дома, развлекая историями о прежней школе где-то в Подмоскowie, рассказами об искусстве, в котором он, видимо, неплохо разбирался, о детских путешествиях с мамой-художницей.

Слава не только выглядел взрослее большинства моих одноклассников, но и разговаривал, рассуждал и вел себя по-взрослому. И все же – в этом я уже призналась себе намного позже – меня захватили вовсе не его взрослость и умные разговоры, которые я слушала вполуха, и даже не ореол загадочности. Будь Томаш таким же недалеким, как Фил, или таким же скучным, как Липатов, или нервным, как Бэзил, будь он хоть глухонемым или аутистом, как Женечка, для меня бы это не имело никакого значения. С самого начала мое увлечение им было абсолютно примитивным, плоским и до неприличия физиологичным. Каждый день я надеялась, что он вот-вот обнимет меня, поцелует и можно будет уже не стесняться своих чувств.

Однако Томаш тянул. И мне, с моей природной нетерпеливостью, стоило либо уже перейти в наступление, либо прекратить это странное общение, но я лишь малодушно ждала, пока внезапно в один момент он не потерял ко мне интерес. Перестал писать, провожать и даже тайком поглядывать. Несколько дней под колкие насмешки Бэзила я надеялась, что он одумается или объяснит причину столь резкой перемены, но оправдываться Томаш не собирался, обращая на меня внимания не больше, чем на школьные стены.

Теряясь в догадках и чувствуя себя униженной, я спросила Томаша: «Что происходит?» Выражение его лица после этого вопроса я, наверное, никогда не забуду.

Он посмотрел с таким искренним недоумением, что я растерялась, ведь по большому счету предъявить мне было нечего: мы ни о чем не договаривались, ни в чем друг другу не признавались и даже не целовались.

– Ты о чем?

Не придумав ничего лучше, я открыла в телефоне нашу переписку и показала, тогда он, в свою очередь, открыл свой телефон, и я увидела пустоту: ни одного сообщения ни от меня, ни от него. Все было тщательно удалено. Прежде меня никто так не унижал.

– Я тебя обидела?

– Нет конечно! – Он вежливо улыбнулся. – Мне не на что обижаться.

– Можешь объяснить, что изменилось?

– Ты что-то путаешь, но не переживай. Я тоже иногда ошибаюсь и потом стыжусь этого.

Лиза не сомневалась, что он узнал обо мне нечто такое, что заставило его сдать назад, однако, несмотря на множество дурацких происшествий, в моей биографии не было ничего стыдного или позорного.

Внутри себя я послала Томаша ко всем чертям, но он никуда не ушел, а прочно обосновался в моей голове. И единственное, чем я могла погасить это настырное навязчивое чувство, был гнев. Меня злило абсолютно все, что было с ним связано: его прическа, пиджак, манера держаться у доски, идиотское прилежное поведение, даже дурацкая фамилия, и та бесила.

Лиза иронично называла это любовью-ненавистью, парни же нарочно звали его моим крашем, и если кто-то намеревался разозлить меня, то достаточно было коснуться этой темы.

Из столовой выскочили два пацана и, поскальзываясь на поворотах, помчались по коридору. Томаш выпрямился и, резко обернувшись, застучал меня с поличным. В тяжелом взгляде застыл вопрос.

– Бэзил не пробежал? – вежливо улыбнувшись, спросила я, хотя отлично знала, что все уже ждут меня на улице.

– Они с Филом ушли.

Томаш почти никогда не пропускал уроки, во всяком случае те, на которых я присутствовала, и видеть теперь, что он не торопится на занятия, было довольно странно. Кивнув ему, я быстро прошла по застекленному коридору между школьными корпусами. По затуманенным окнам стекали капли дождя. Я надела на ходу куртку и издалека помахала охраннику Марату. Мысли о Томаше вытеснили впечатления об утреннем происшествии. Стоило начать о нем думать, остальное отходило в сторону, теряло резкость и размывалось. Не то чтобы я думала что-то конкретное, просто он то и дело вставал у меня перед глазами. Как разговаривает, как двигается, в чем был одет, как посмотрел или улыбнулся. Нелепые, бессвязные картинки. Навязчивые, раздражающие образы.

Ребята о чем-то переговаривались, а я толком не слушала. Плелась за Бэзилом, послушно позволяя ему вести себя за руку. Из-за сырой погоды и холода меня одолевала бесконечная простуда. Она то немного отступала, то накатывала с новой силой. Хроническая усталость, сопли, озноб. Стоило купить новые ботинки, подошвы моих треснули, и, хотя со стороны это не видно, ноги постоянно промокали, а ботинки не успевали высохнуть внутри.

Только на носовые платки у меня были деньги, а вот на ботинки нет.

Все шмотки, которые я носила, мне подгонял Бэзил. Его старшая сестра Марина работала в «Меге» и постоянно притаскивала домой списанное или распродажное барахло. Вещей у нее было очень много, и все, что ей по каким-то причинам не подходило, она раздавала подругам или продавала. И Бэзил не без гордости регулярно снабжал меня одеждой. Широкие голубые джинсы с завышенной талией, из которых я не вылезала уже второй год, укороченная красно-серая куртка, спортивный костюм, свитеры, худи, куча футболок, даже разноцветные носочки, шарфики и ремни – в сравнении с Лизой я была богачкой. Вот только обувь Марина не приносила, и я донашивала ботинки, которые она собиралась выбросить из-за трещины на подошве. Меня это не смущало. Ботинки были черные, высокие и жутко стильные. Я себе такие не смогла бы купить.

Привычным маршрутом мы дотопали до шоссе, перешли по подземному переходу на другую сторону и с облегчением нырнули в искусственный, но вечный уют ТЦ: тепло, свет, порядок и приятные ароматы в любое время дня и ночи, в любую погоду, в любой сезон. Если не выглядеть как бомж и иметь в кармане хотя бы пару сотен, в торговом центре вполне можно жить. Там всегда есть еда и где потусить, а для тех, кто знает все магазинчики, офисы, салоны, лестницы, переходы, закоулки и подсобки, даже переночевать – раз плюнуть. А после закрытия торгового центра перейти в фитнес-клуб и всю ночь плавать в бассейне или скакать на батутах.

Вход в клуб был с улицы, но кто-то раздобыл электронный код от дверей со стороны ТЦ, и мы несколько раз спокойно проходили туда, развлекались, а потом сваливали через пожарный выход. Мы с Лизой проводили в ТЦ много времени: сидели за столиками фудкорта или болтались по бутикам, примеряя вещи из новых коллекций и фоткаясь для соцсетей.

Мы поднялись на стеклянном эскалаторе на третий этаж, там находился фудкорт – неизменное место нашего внешкольного времяпрепровождения. Мы имели «свой» столик, «свое» меню, и все работники, включая уборщиц, знали нас как «своих». Людей в зале с утра было немного. Полы блестели, человеческий гомон не заглушал музыку, и царил относительный покой.

С правой стороны от фудкорта над входом в бутик с бижутерией появилась новая вывеска о скидках. Белый тканевый прямоугольник, а на нем разноцветные пляшущие буквы: «Отмечаем юбилей! Скидка на все от 40 %».

– Стойте, – сказала я ребятам и остановилась. Мокрые пряди лезли в рот. – Эта штука похожа на нашу растяжку.

Все притормозили, не доходя до столиков, и молча уставились на меня. Бэзил скинул капюшон.

– Какая штука?

Последний год он не заморачивался насчет стрижки и брил голову как призывник. Это придавало его острому, еще немного мальчишескому лицу оттенок пацаньего сиротства и неблагополучия. Что вместе с подвижной мимикой и отрепетированными повадками ауешника складывалось в традиционный образ криминального гопника, каковым по сути он не являлся. Однако Бэзилу нравился любой эпатаж, и то, какое впечатление он производил, его более чем устраивало. И именно по этой же причине он завоевывал расположение гораздо быстрее, чем Фил. Всем нравится иметь в друзьях «опасного» парня. И Бэзил отлично играл на этом.

– Клеенка, в которую завернут труп. Мне показалось, что она похожа на растяжку, которую в прошлом году потеряли, – «С днем рождения, школа!». Ту, что на репетиции Липа порвал.

– Не выдумывай, – отмахнулся Фил.

– Я серьезно.

– Хватит уже об этом, – Лиза потянула меня за рукав, – идем!

Глава 3

Мы с Лизой блондинки. Не натуральные, конечно, хотя мои настоящие волосы довольно светлые, а вот у Лизы совсем темные, почти черные, потому что папа у нее армянин. И до того как ее родители развелись, у Лизы была армянская фамилия.

Впервые мы перекрасились в восьмом. Посреди года к нам перевелась новенькая девочка. Тихая, скромная, совсем белая, с белесыми ресницами и бровями. Она всего боялась и ходила по стеночке. Мы ее не трогали. По правде говоря, даже внимания особо не обращали. И вот как-то на алгебре эту девочку вызвали к доске и попросили разобрать домашнюю задачу. Девочка встала, глазами хлопает, мел в руки взять боится. Ну, математичка и начала ее прессовать: «Чего стоим? Почему спим? Разговаривать умеем? А писать? Домашнюю работу делала? На прошлом уроке была? Ты вообще слышишь, что я с тобой разговариваю?» Однако девочка, опустив взгляд, лишь жалко улыбалась и пожимала плечами.

– Сядь на место, – терпение математички закончилось, – блондинка, она и есть блондинка. Откуда там мозгам взяться?

Восьмой класс – самый пик моей бунтарской активности. Достаточно было малюсенькой искры.

– И что с того, что она блондинка? – выкрикнула я с места. – Вы седая, значит, у вас старческий маразм?

Тогда я была очень сложным и конфликтным подростком. Знала, что я плохая, и чувствовала себя такой. А плохим детям полагается вести себя зло и агрессивно.

Математичка закрывала глаза на мои «выступления», потому что в то время я знала математику лучше всех в классе. Она просто вызвала меня к доске расписывать задачу. И я, конечно же, без труда это сделала.

А на следующий день мы с Лизой, не сговариваясь, пришли в школу с бело-желтыми головами. Краска легла не очень хорошо, особенно на Лизины волосы, однако акцию протеста можно было считать состоявшейся.

– Докажите теперь, что мы тупые, – гордо заявила я математичке.

И с тех пор мы с Лизой красились исключительно «скандинавским блондом», символизирующим нашу дружескую солидарность и глубокую убежденность в том, что о человеке нельзя судить по внешности.

Мы взяли по большому стакану капучино и ведро с крылышками на четверых. Развели мокрые куртки на спинках стульев, а сами развалились на коричневых диванах.

– Нет, серьезно. – Я выждала, пока ребята немного поедят. – А что, если это та самая потерянная растяжка? Тогда получается, что все случилось под нашим носом. Может, нужно рассказать об этом полиции?

Бэзил громко поперхнулся кофе:

– Микки, ты совсем? Хочешь, чтобы нас всех круглосуточно таскали на допросы, а потом обвинили в этом убийстве?

– С чего нас обвинят, если мы ни при чем?

– А то я не знаю, как это бывает. Им вообще пофиг, кто виноват, главное, чтобы было на кого повесить.

В том, что касалось полиции и вообще любых вопросов, связанных с законом, Бэзил считался среди нас бесспорным авторитетом. Его дядька Антон по малолетству отсидел пять лет в колонии, и, хотя дальнейшая его судьба сложилась благополучно, он, не переставая, делился с Бэзилем печальным жизненным опытом.

– Делать тебе больше нечего! – Фил жадно налегал на крылышки. – Просто труп, просто клеенка, а ты уже придумала детектив.

– Между прочим, мой дед был следаком, и у меня это в крови.

Бэзил громко расхохотался:

– У тебя в крови устраивать кипиш из ничего.

– Это не кипиш, а любопытство. Напиши Липе, – попросила я Лизу, – пусть ходит и точно все разузнает. Труп, может, и не покажут, но растяжку-то можно посмотреть.

– Смеешься? – Фил скривился. – Нас взащей погнажи, а Липа типа разузнает.

– Ради меня Липа сделает что угодно, – похвасталась Лиза.

– Вот и напиши, – поддержала я.

– Придет время, все само выяснится, – проворчал Бэзил.

Но Лиза уже быстро что-то написала и отправила.

Сеня Липатов был тихим прилежным парнишкой, послушным и немного робким. Мы над ним посмеивались и нечасто звали куда-то. Но Лизу он любил беззаветно и выполнял все ее прихоти. В основном, конечно, это касалось домашки, но иногда Сеня решался и на героические поступки вроде того, чтобы отмазать ее перед мамой, сказав, что от нее пахнет не пивом, а его домашним квасом, или прикрыть, когда она сбегала с уроков; несколько раз он подделывал для нее медицинскую справку и таскал у отца сигареты.

– Липа тогда растяжку и стырил, – пробурчал Фил.

В том, что он недолюбливает Липатова, нет ничего удивительного, потому что сам Фил особой преданностью Лизе похвастаться не мог и каждый раз был вынужден оправдываться, почему Сеня нашел время ее проводить, позвонить, написать, а он нет.

– Липа ушел раньше нас, – сказала я, – забыл?

– Я с того вечера вообще почти все забыл, – с глупой улыбочкой признался Фил.

Лиза метнула в него гневный взгляд, а Бэзил понимающе хмыкнул. В тот день они оба завалились на репетицию пьяные.

Порванную растяжку с надписью «С днем рождения, любимая школа!» запихнули в тайник за цветочными горшками возле столовой во время последней репетиции школьного концерта. В тот вечер произошло немало неприятного, и ее убрали, чтобы не светить, когда директриса придет ругаться. Но на следующее утро растяжки в тайнике уже не было.

Лизин телефон громко возвестил о пришедшем сообщении. Подхватив ее под локоть, я заглянула в экран. Липа ответил: «Видел только растяжку. Точно наша, хотя буквы сильно стерлись. Труп уже погрузили в труповозку. Но поварахи и Ольга Олеговна сказали, что это Надя. Они ее по сережкам опознали и кулону. Ты сегодня после школы что делаешь?»

Надя. Надежда Эдуардовна. Тот самый ночной кошмар на протяжении последних пяти месяцев. Распахнутое окно, разбитое зеркало, кровь на футболке. Угрозы, страх, чувство вины, ненависть к ней и к самой себе – все это была Надя. Женщина взрослая, гордая и ревнивая – как описала ее гадалка Гуля. Она так часто приходила ко мне во снах, а оказывается, все это время была мертва и гнила в этом жутком колодце.

– Ну? – нетерпеливо поторопил Лизу Бэзил.

– Жесть, – я все еще переваривала новость, – Липа пишет, что это Надя. Та, убитая женщина – Надя.

– Кто такая Надя? – Развалившись на стуле, Фил закинул ноги в грязных кроссовках на соседний.

– Надежда Эдуардовна, – с нажимом пояснила я, – физручка наша бывшая.

– Рано или поздно ее точно кто-нибудь да прибил, – сказал Бэзил после общего ошарашенного молчания.

– Вася, – Лиза посмотрела на него осуждающе, – так нехорошо говорить.

– Микки, дай платок! – Бэзил протянул руку. – Сейчас разрыдаюсь.

Бэзил терпеть не мог Надю. Большинство ее уроков он прогуливал, а когда появлялся для сдачи нормативов, либо цеплял ее насмешками и грубостями, либо откровенно хамил.

Бэзил никогда паинькой не был, но если и конфликтовал с кем-то из учителей, то больше ради показухи, понтов и репутации главного говнюка школы. Надю же он невзлюбил по-настоящему. И сколько мы с Лизой ни выпытывали у него причину, объяснять не хотел.

Лиза предполагала, что это из-за того, что, когда Надя только пришла к нам, Бэзил пытался флиртовать с ней – наигранно, задиристо, при всем классе, но то была его обычная манера поведения – пошлить, смущать, провоцировать. Так он вел себя почти со всеми учителями. Надя же восприняла его подростковую дурь довольно своеобразно: вместо того чтобы пригрозить плохими оценками или отрицательной характеристикой в его футбольный клуб, как это делало большинство учителей, она принялась насмехаться над ним, называя то ребенком, то малышом, то пупсиком, что заводило Бэзила еще больше.

– Ну, Надя и Надя. – Фил равнодушно пожал плечами. – Я тоже как-то не особо расстраиваюсь.

Надю и я не любила, однако поражало другое: после той злосчастной репетиции, где физручка психанула, как гормонально неуравновешенная школьница, в школе она больше не появлялась.

– Надю с того вечера никто не видел, – сказала я, ощущая неприятный внутренний холодок.

– Понятное дело не видел, раз она уволилась. – Бэзил укоризненно покачал головой.

– Ужас, конечно, – с чувством выдохнула Лиза, хватая меня за руку.

Я повернулась к ней:

– Тебе не кажется странным, что пропавшая растяжка и внезапно исчезнувшая Надя вдруг обнаруживаются в одном и том же месте спустя пять месяцев?

– Да, наверное. И что, по-твоему, это значит?

– Только подумай, какова вероятность повстречать маньяка в двухстах метрах от школы? Да еще такого, который смог с ней справиться. Это же Надя. Вы забыли? Она Филя тогда на раз скрутила.

– Ой, вот не надо. – Фил возмущенно выпрямился. – Понятное дело, я поддался. Что же я, с женщинами драться буду?

– Повстречать маньяка на двухстах метрах почти нереально, – неожиданно серьезно сказал Бэзил, – но вот того, кто долго следил за ней, караулил и заранее знал, с кем имеет дело, запросто.

– Может, и так, но как он взял растяжку?

– Вот заноза-то, – выругался Бэзил. – Ну, допустим, я выкинул эту дурацкую растяжку на помойку за школой, а он ее оттуда взял.

– Правда? – От удивления я на секунду забыла, что разговариваю с Бэзилем.

– Нет! – Он довольно заулыбался. – Но все равно, это самое предсказуемое развитие событий, без учета прочих неизвестных.

– Если никто из нас четверых растяжку не забирал, – сказала я, – то остаются двое: Липа и Томаш. Кто-то из них должен был вынести ее на улицу.

– Зашибись, – наигранно хохотнул Фил, – я знаю, что вы сделали прошлым летом... Мне нравится расклад.

– Может, сама Надя и взяла, – продолжал упорствовать Бэзил.

– Откуда ей было знать, что мы ее спрятали? Она и в зал-то не возвращалась.

– Я могу поговорить с Липой, – предложила Лиза.

– Ага, и он сразу такой: «Да, Лизочка, конечно, это я спер растяжку, и Надю уколошил тоже я, потому что она называла меня дрыщом, рахитом и заморышем», – подражая сюсюкающей манере Липатова, передразнил Фил.

– А кто поговорит с Томашем? – осторожно спросила я.

Бэзил наигранно осклабил:

– Конечно, ты. Признайся, ты спецом весь этот напряг замутила, чтобы появился повод с ним пококетничать.

– Может, ты? – я перевела взгляд на Фила.

– Не, – тот опустил глаза, – это у тебя дедова кровь, вот и допрашивай сама.

Лизу просить смысла не имело, Томаша она тоже не жаловала.

– Как бы там ни было, если вдруг полиция докопается до растяжки, узнает о ее пропаже и все такое, ведь на ней написано про школу, то чтобы не вздумали ничего трепать. Ясно? – Бэзил погрозил нам с Лизой пальцем. – Если вдруг выяснится, что мы имеем к этому какое-то отношение, то кранты. Нормальной жизни больше не будет.

С этим согласились все, даже я. Лиза пообещала предупредить Липу, а разговоры с Томашем повесили на меня. Сколько бы я ни наступала на грабли под названием «инициатива наказуема», пройти мимо них не получалось никак.

Мы жили в двушке в старой пятиэтажке: Кощей в дальней изолированной комнате, я в большой проходной. Раньше, пока Яга была жива, дальняя комната была ее, проходная Кощева, а я спала на кухне. Но потом Яги не стало. Мы убрали ее вещи и все поменяли. Кощей, разумеется, не хотел. Однако услышав, что я хочу занять дальнюю комнату, встрепенулся и поспешил застолбить это место себе.

Я же, устав просыпаться посреди ночи от жутких звуков холодильника, отбиваться от тараканов и дышать запахом подгоревшего масла, была согласна на любой угол, где босые ноги можно опустить на коврик, а не на ледяную каменную плитку.

Теперь у меня были свой раскладной диван и низенький стол-этажерка на колесиках, на который удобно ставить чашку и класть ноги, сидя с ноутбуком на коленках, а на полке под столешницей хранить немногочисленные учебники и тетради.

Дома было холодно, и вот уже три недели никто не убирал. Я мыла за собой чашку, тарелку и закидывала в машинку свое белье, но, кроме этого, ничего не делала. Кощей даже не стирал, и его грязные вещи копились в корзине, но еще больше было разбросано по квартире.

Мы находились в положении затянувшегося противостояния – кто первый не выдержит и сделает уборку. Но разговаривать разговаривали и иногда вместе ужинали.

– Представляешь, у нас в школе труп нашли. – Я вошла к нему в комнату.

Кощей, как обычно, сидел в кресле перед включенным телевизором. На коленях у него стояла кастрюля с гречкой, и он ел прямо из нее большой ложкой. Рядом на стуле остывала чашка с чаем. Пар из нее тонкой струйкой тянулся вверх.

Услышав про труп, дед удивленно приподнял густые седые брови и замер.

– Как так? Прямо в школе?

– Рядом. Возле соседнего дома. – Я опустила на его кровать.

По телевизору показывали, как полицейские ловят карманника в метро.

– Ты кашу-то хоть погрел?

– Мне и так нормально. – Он отставил кастрюльку. – Ну и чего труп?

– Это наша бывшая физручка Надя. Прикинь, она там почти полгода пролежала.

– Где там?

– В колодце канализационном. Сантехник полез и нашел ее.

– И чего?

– Откуда мне знать? Полицейские нас близко не пустили.

Кощей одобритительно покивал и, снова взявшись за кастрюльку, стал задумчиво есть.

– Похоже, ты не особо расстроена.

– Скорее озадачена.

– Лучше бы была напугана.

– Почему это?

– Может, мозгами бы своими куриными думала, когда по ночам шляешься.

Кошей действительно был очень худым, костлявым и высоким и, сколько бы ни ел, никогда не поправлялся. У него был длинный прямой нос с горбинкой на переносице и яркие васильковые глаза. Мне досталась только горбинка.

- Не начинай, пожалуйста.
- Тебе кашу оставить?
- Нет. Мы с ребятами в кафе поели.
- На какие это интересно шиши?
- Вместо завтраков.
- Больше никуда сегодня не собираешься?
- Успокойся, дома буду.
- Тогда иди и дверь за собой закрой. Полсерии из-за тебя пропустил.

Я устроилась на диване, закинув ноги на спинку. Воспоминания о Наде и обо всем, что с ней связано, неотступно преследовали меня. Надя мне не нравилась по многим причинам, но не признавать, что она красивая, я не могла. Просто красота ее была слишком броской и, пожалуй, агрессивной.

Даже не из-за идеальной спортивной фигуры, которую она подчеркивала всеми допустимыми в школе способами, и не из-за гладкого утонченного лица с аккуратным прямым носом. Дело было в ее глазах. Ярких голубых глазах, которые я так силилась разглядеть во сне, но никак не могла. В них скрывалось нечто такое, что будто хватало тебя за горло и, пока она смотрела, не отпускало. Нечто требовательное и властное. Настойчивое и проникновенное. Эти глаза так сильно контрастировали с мягкостью ее голоса, улыбки и манер, что трудно было поверить, что все это способно существовать в одном человеке.

В Наде определенно таилась какая-то загадка, и именно она придавала ей особую, неповторимую красоту.

Наде было около двадцати пяти, но, когда она впервые появилась у нас на уроке, все решили, что это новенькая девчонка-ученица. И парни, конечно же, попытались к ней подкатить, однако, когда она строго велела им выстроиться по росту, чтобы оценить их достоинства, стало ясно, что к чему. Впрочем, Надя всегда довольно благосклонно откликалась на любые заигрывания, что, разумеется, раздражало девчонок, и меня в том числе. Бэзил с Липой – единственные из парней – не переносили Надю на дух.

Липа, потому что она его постоянно при всех унижала, а Бэзил по каким-то мутным, одному ему известным причинам.

Идея с танцем принадлежала Лизе, а мы с Филом просто согласились ее поддержать.

Лиза несколько лет ходила на танцы и обожала их. А вот ее мама считала, что, вместо того чтобы готовиться к ЕГЭ, она тратит время на ерунду, и не хотела оплачивать занятия. На выступления дочери в клуб она ни разу не пришла, и Лиза очень рассчитывала затащить ее на школьный концерт, на котором она выступит круто.

Предполагалось, что танцевать Лиза будет с Филом, а я с Бэзилом, но, узнав, что репетиции проводит Надя, Бэзил отказался наотрез. Фил заупрямился – не хотел в одиночку выглядеть дураком, и, несмотря на Лизины мольбы, выступление оказалось под угрозой. Чтобы ее как-то утешить, я согласилась танцевать с Липой. Однако тот был не в состоянии выполнить даже самую простую поддержку, и после одной бестолковой, но жутко смешной репетиции с ним физручка неожиданно привела мне в пару Томаша.

Поначалу я думала, что умру от смущения и неловкости, но вскоре эта вынужденная близость превратилась для меня в необходимость. Я ждала эти репетиции, как не ждала их Лиза, совершенно отчетливо чувствуя, что Томаш тоже им рад. И пока я не застучала его целующимся с Надей в торговом центре, мне казалось, что между нами происходит нечто особенное.

В последний день перед школьным концертом Фил не просто притащился на репетицию пьяным, но и зачем-то привел с собой Бэзила.

Как только тот появился в дверях актового зала, где мы репетировали, я поняла, что вечер закончится плохо. С ног они, конечно, не валились и разговаривали вполне связно, но вели себя отвратительно: кривлялись и над всем ржали. Надя несколько раз попросила Бэзила уйти, но он только запальчиво отвечал: «Ко мне или к вам?» и еще что-то в этом роде. А когда она прекращала препираться с ним и отворачивалась, Бэзил подкрадывался сзади: то руку на плечо положит, то по волосам погладит, то по спине. Надя вздрагивала, замахивалась, Бэзил отскакивал, и они с Филом истерически хохотали.

Фил отрывался по-своему. В тот момент, когда они с Томашем подхватывали нас с Лизой и кружили, он то и дело подстраивал так, чтобы мы с ней столкнулись ногами.

Лиза ругалась, я тоже, но Филу и трезвому сложно что-то объяснить, а уж нетрезвому и подавно. Все шло к тому, что нам придется разойтись по домам. После одного из таких столкновений Лиза не выдержала и со злостью отпихнула Фила, тот отпрянул и снес Липу, который, забравшись на водруженный на парту стул, закреплял на заднике кулис растяжку с надписью «С днем рождения, школа!». Падая, Липа ухватился за растяжку и на несколько секунд повис на ней. Потом клеенка треснула, растяжка оборвалась, и он свалился Филу под ноги. Надя принялась кричать, что Липа недоделанный, беспомощный и кривой. Я вступилась за него. Тогда внезапно с еще большей злостью она накинулась на меня. Выказала, что я невоспитанная, наглая и развратная малолетка, что у меня кривые ноги, длинный нос и плоская задница.

Прежде чем я очнулась от удивления, Бэзил выдал тираду, в которой из приличных слов были только местоимения. Надя пригрозила, что пойдет к директору (та как раз еще была в школе), и Фил недвусмысленно обозначил: если она на них настучит, то пожалеет. Надя рассчитывала на поддержку Томаша, но он просто сидел, свесив ноги, на краю сцены и, не обращая внимания на происходящее, переписывался с кем-то по телефону. Наде даже пришлось его окликнуть: «Слава! Ты не хочешь ничего сказать?» Томаш поднял голову, мельком оценил обстановку и равнодушно ответил: «Нет». В ярости Надя вылетела из зала и больше не вернулась.

Все, что происходило до сцены, повторяющейся в моем сне, я помнила отлично, однако случившееся после вспоминалось неясно и с трудом. Мне теперь было сложно отличить реальное от множественных интерпретаций сна.

Когда взбешенная Надя выбежала, Лиза начала кричать на Фила, потом на Бэзила, и парни тут же отправились курить. Лиза расплакалась. Липа принялся извиняться и утешать ее. Вернувшись, Фил с Бэзилем стали ржать над Липой, вспоминая, как он висел на растяжке, как падал, какое у него было лицо в это время. Липа обиделся и ушел. Я сказала Бэзилу, что он козел, а Лиза забрала Фила для разговора наедине. Они вышли. В этот момент у Томаша зазвонил телефон, он спрыгнул со сцены и тоже вышел из зала. Оставаться наедине с идиотничающим Бэзилем не было никакого желания, и я пошла вниз. В коридорах школы стояла тишина. Из директорского кабинета не доносилось ни звука.

Только дверь в учительский туалет, который обычно запирался на ключ, была немного приоткрыта, оттуда сильно тянуло холодом.

Я заглянула туда. Надя стояла ко мне спиной возле открытого окна. Я вошла, и она резко развернулась. Молния на ее белой олимпийке была расстегнута, как если бы ей вдруг стало жарко. Рукава собраны до локтя. Волосы, прежде поднятые в хвост, растрепались. В пронизывающем голубом взгляде бушевала ненависть.

– Ты что думаешь, маленькая гадина, ты мне хоть что-то сможешь сделать? – зашипела она, медленно приближаясь. – Ты меня не знаешь. Ты меня совсем не знаешь! Тебе не стоило в это лезть!

Я мужественно удержалась, чтобы не выскочить в ту же секунду за дверь.

– Что-то случилось, Надежда Эдуардовна?

Надя в одно мгновение оказалась передо мной и замахнулась. От неожиданности я зажмурилась, а открыла глаза, услышав глухой удар. Кулак физручки впечатался в зеркало позади меня, и гладкая поверхность тут же покрылась сеткой трещин.

Я никогда не считала себя робкой или нерешительной, чтобы запугать меня, нужно еще здорово постараться, однако в тот момент абсурдность происходящего парализовала.

Надя вытерла выступившую на костяшках пальцев кровь о мою светлую футболку, затем так близко наклонилась ко мне, что я почувствовала на щеке ее дыхание.

– Это ты во всем виновата, тупая малолетняя шлюшка. Ты сама. Помни об этом всегда!

К счастью, в коридоре послышались голоса, и, резко распахнув дверь, она выскочила из туалета.

Мне представлялось, что все именно так и было, но теперь, когда стало известно о Надийной смерти, такой страшной и необъяснимой, ее обвинения в мой адрес стали звучать еще тревожнее.

«Что ты думаешь насчет сна про Надю?» – написала я Лизе, чувствуя, что больше не могу прокручивать все эти воспоминания.

«Не сомневалась, что ты запаришься», – ответила она.

«Но согласишься, это странно. Сначала она постоянно снится, а потом оказывается мертвой».

«Это совпадение. Надя на всех тогда кидалась. Может, на улице сорвалась на случайного прохожего, а он оказался ненормальным, разозлился и прибил».

«Не помнишь точно, что та гадалка с рынка говорила?»

«Что ты должна ее отпустить, а она отпустит тебя».

«А вдруг Надя пытается мне что-то сказать?»

«Например?»

«Например, кто ее на самом деле убил».

«И поэтому обвиняет тебя? Микки, в это сложно поверить. Не рассказывай лучше про это никому. И вообще не вспоминай! Все, что с нами происходит, живет в наших головах».

Глава 4

Несколько дней мы старательно обходили любые разговоры о Наде. Тогда как все остальные в школе обсуждали только ее. Это были самые страшные фантазии, на какие способны лишь дети. От кровавых подробностей расчлененки и свирепствующего маньяка до мистической жути о бродящем по ночным коридорам призраке в спортивном костюме и со свистком на груди. Надю убили весной. Вот уже пять месяцев, как она покоилась почти под окнами школы, но страшно всем стало сейчас.

Директриса позвонила на перемене после четвертого урока:

– Машенька, милая, что у тебя?

– Биология.

– Не могла бы ты забежать ко мне домой?

Время от времени Тамара Андреевна поручала мне что-нибудь сделать. Чаще всего, особенно если она болела, принести из школы бумаги на подпись или, наоборот, забрать их и отнести в школу. Иногда могла отправить в аптеку, на почту или в магазин, а в последний раз, в начале сентября, попросила научить ее пользоваться «Телеграмом». Я познакомилась с Тамарой Андреевной, когда она еще не работала в нашей школе, а преподавала математику в соседней, там же, где раньше работала моя Яга, и они дружили.

Тамара Андреевна часто приходила к нам домой на дни рождения и почти на каждый Новый год. Из всей семьи у нее был только чудаковатый двадцатилетний сын Женечка. Пару лет Тамара Андреевна добросовестно и совершенно бесплатно занималась со мной математикой. И до прошлой зимы, когда меня чуть не выперли из школы, у нас были хорошие, доверительные отношения.

На улице моросил мелкий дождик и стоял туман. В такую промозглую погоду, чтобы не продрогнуть, перемещаться нужно было только бегом.

– Какая умница, так быстро! Проходи скорее! Я как раз чайник поставила.

Директриса встретила меня в велюровом домашнем халате с розовыми цветками сакуры на темно-бордовом фоне. Ей было немного за пятьдесят, всегда с аккуратным укороченным каре цвета шоколада и идеально выщипанными бровями.

– А Женечка где? – Я посмотрела в глубь коридора. Обычно он выходил меня встречать.

– На службе своей, конечно. Ты ведь знаешь, какой он обязательный. Все по часам. Я только в душ, а он и умчался. Нужно мешки с листьями вывозить, вот и торопился, чтобы к приезду машины успеть.

– Давно его не видела.

Директриса сокрушенно покачала головой:

– Он очень расстроен из-за случившегося.

Женечка был аутистом и работал дворником еще в той школе, где Тамара преподавала математику: став директором у нас, она перетащила его за собой. Дети, конечно, над ним немного посмеивались, но в целом любили, а Женечка любил детей.

Он приходил в школу с самого утра и уходил вместе с мамой. Носил ей сумки и всегда помогал. А еще Женечка боялся лифтов и считал ступеньки на лестнице, перешагивая через каждую тринадцатую. Его пугали слова «дезинфекция», «гангрена» и «какофония». Он знал, что никогда не станет взрослым, верил в дестрой и свое предназначение.

Проводив меня на кухню, Тамара Андреевна достала из шкафчика кружки:

– Чай или кофе?

– Можно чай с лимоном?

На плите в большой кастрюле, судя по запаху, варилась свекла.

– Так холодно. Мерзну постоянно, – пожаловалась она, ставя на стол заварочный чайник.

Я уже и забыла, что чай получается не только из пакетиков. Заварка пахла сладостью и теплом. Тамара Андреевна кинула в нее дольку лимона и добавила кипятка.

– Никогда не думала, что доведется столкнуться с подобным, – произнесла директриса после некоторого молчания. – Одно дело читать хроники происшествий, другое – когда такое случается со знакомым человеком.

– Может, это несчастный случай? Надежда Эдуардовна пошла покурить и в темноте случайно провалилась в открытый колодец. А потом кто-нибудь просто задвинул крышку люка, – попыталась отшутиться я в духе Филя, но разрядить обстановку не получилось.

Тамара Андреевна сцепила пальцы в замок и положила руки на стол.

– Ума не приложу, как это вышло. Надежда заявила на вас жаловаться. Мне не стоило на нее кричать. Я ведь думала, она обиделась и поэтому так себя повела – из гордости. Ушла, даже дверью хлопнула.

Тамара резко замолчала, в ожидании глядя на меня. Сомнений не было, она тоже считала, что Надю убили именно в тот вечер.

– Вы рассказали об этом полиции?

– Нет, что ты! Они не спрашивали, да и, по правде говоря, мне не хочется приплетать школу. Ты же понимаешь? И так всякое безобразие уже в интернет выложили. Родители звонят, беспокоятся. Счастье, что ее нашли за нашей территорией.

Безобразиям директриса назвала глупые фейковые ролики про маньяка, которые сделали по приколу десятиклассники. Кто-то из них жил в белой высотке и смог снять с балкона, как Надю доставали из колодца. Видно было плохо – этаж восьмой-девятый, но необычное зрелище и зловещая музыка сделали свое дело, набрав кучу просмотров и комментариев.

– Нужно было сообщить об исчезновении... – с тяжелым вздохом произнесла она. – Только мне и в голову подобное прийти не могло.

– Такое никому в голову не пришло бы, – согласилась я. – А из-за чего вы Надежду Эдуардовну ругали?

– Теперь это в прошлом. О покойниках дурно не говорят. – Тамара Андреевна сунула руку в карман халата и положила на стол ключ. – Завтра похороны. Нашей школе пришлось взять на себя все расходы. Надежда была одинокой девушкой, и родни у нее не осталось. Я очень тебя прошу, сходите с Лизой к ней на квартиру, приберитесь. Там на днях полицейские побывали. Полный бедлам остался. Я договорилась с Динарой, но сегодня утром она позвонила и отказалась, а похороны уже завтра. Прости, это очень деликатная просьба, и, если тебе неприятно или у вас с Лизой планы... я все пойму.

– Мне несложно. – Я быстро взяла ключ со стола и вскочила. – Мы прямо сейчас пойдем. Лизе можно уйти с уроков?

– Да-да, конечно. – Тамара Андреевна тоже поднялась. – Только, пожалуйста, нигде больше не зависайте и не светитесь особо. Сейчас дам адрес. И не забудь потом ключ Ольге Олеговне в школу занести.

Надин дом находился в соседнем квартале. Около пятнадцати минут пешком. В хорошую погоду – приятная прогулка, но, когда ветер срывает капюшон, хлещет дождь и приходится бежать, – сплошное мучение.

От холода руки тряслись, и я никак не могла попасть ключом в замочную скважину. Лиза не выдержала, отобрала ключ и открыла дверь. В лицо пахло спертым воздухом и пылью, холодом и пустотой. Я включила свет. Однако ощущение тусклого мрака не исчезло. Мы в нерешительности застыли в прихожей: весь пол покрыт высохшими грязными следами. Они были повсюду, и мы, повесив мокрые куртки на крючки, тоже решили не разуваться.

К счастью, на кухне оказалось довольно чисто, только пожелтевшая чашка в раковине. На покрытой серо-желтой пылью поверхности кухонного стола остался отпечаток от чего-то прямоугольного, что до недавнего времени лежало здесь, а теперь отсутствовало. По всей

вероятности там находился ноут, который забрала полиция. А вот из холодильника воняло невообразимо. Лиза открыла его и сразу в ужасе захлопнула. Бодрым шагом я направилась в единственную комнату. Белье на широкой двуспальной кровати было не застелено. Дверцы шкафа распахнуты. Несколько вещей, упав с вешалок, валялись внизу, из незадвинутых ящиков комода торчало белье. Запах в комнате стоял отвратительный.

Отчего-то мне казалось, что, как только я попаду сюда, все каким-то волшебным образом немедленно разъяснится. Но полиция, похоже, унесла все самое интересное, оставив нам только шмотки.

– Разделим комнату пополам. – Я огляделась. – От окна до шкафа твое, остальное мое.

– Интересно, здесь есть перчатки? – Лиза брезгливо потерла пальцем стену. – А еще нам нужны тряпки, тазы и пылесос.

Перчаток не нашлось, а тряпки и моющие средства мы отыскивали в стенном шкафу в туалете, как и освежитель воздуха, который я тут же от души распылила повсюду. Пришлось, несмотря на холод, открыть окно. В нос ударил густой сладкий аромат, но легче дышать не стало.

Вспомнились отчего-то похороны Яги. Морг. Прощание. Я смотрела на ее восковое лицо и совершенно ничего не чувствовала. Вроде бы стоило расплакаться, но не получалось. Все вокруг рыдали, а я стояла столбом и молила лишь о том, чтобы все поскорее закончилось. Яга ушла из жизни внезапно в конце апреля. Сказала, что поедет в ЕРИЦ, чтобы сделать перерасчет, но не вернулась – ее сбила машина прямо на пешеходном переходе, там, где нет светофора. Один водитель затормозил, а следующий в соседнем ряду не заметил и не остановился. Его так и не нашли. На переходе не было камер, а номер свидетели не запомнили.

В шкафу порядка не было и при жизни Нади. На плечиках вещи висели одна на другой: блузки, пиджаки, рубашки и халаты. Сдвинув пару вешалок, я заметила бейдж, болтающийся на длинном зеленом шнурке поверх одной из олимпиад. В верхнем уголке бейджа в полукруге в виде листика жизнерадостными желто-зелеными буквами было выбито слово «Пуговицы».

– Надежда Сорокина. Тренер, – вслух прочитала я. – Пуговицы.

– Она до нас там работала, – откликнулась Лиза, – Фил что-то такое говорил.

– А что это?

– Дом престарелых вроде.

– Странное название.

– Угу, поэтому я и запомнила.

Я немного постояла, машинально крутя бейдж в руках, но думая совсем о другом.

– Я почти уверена, что это как-то связано с нами, с тем вечером. Что-то было не так, что-то случилось. Надя разбила зеркало, у нее был срыв, истерика.

– Ну, так Бэзил ее довел, Томаш тискал тебя, и с директрисой поругалась. Ничего удивительного.

– Нет, что-то еще. Она так разозлилась. Я думала, убьет меня прямо в туалете.

– Ну, может, у нее ПМС был? Я в такие дни тоже готова прибить всех на свете. И довести меня раз плюнуть. Могу психануть даже из-за зацепки на колготках.

– Ты честно ничего не знаешь? – Я внимательно наблюдала за подругой. – Кто запер меня в актовом зале?

– Я тебе тысячу раз говорила, что мы с Филом только открыли зал. Ключ торчал в двери. Почему ты мне не веришь?

– Верю, конечно, но, может, ты что-то вспомнила?

– Ничего я не вспомнила! – Лиза надулась.

– Ну, сама-то ты что об этом думаешь?

– Мое мнение тебе не понравится.

– Подозреваешь меня? – Я состроила злодейскую гримасу.

Лиза рассмеялась.

– Ты с ней не справилась бы. У нее мышцы ого-го были. – Лиза кинула тряпку на комод и села на край кровати. Когда она смотрела так задумчиво и печально, ее лицо было особенно прекрасным. Я под села к ней на кровать.

– В принципе ее могли убить на улице неподалеку. Взять растяжку, завернуть и сунуть в люк. Это самая удобная версия, потому что представить, что ее убили в школе, а уже потом вытащили на улицу, сложно. Для этого необходимо дождаться, пока мы уйдем. Но если предположить, что такое возможно...

– Микки, прекрати! – Лиза шлепнула меня по коленке и вскочила. – Я уже сказала, что ничего не знаю.

И без того тусклый день за окном размазывался, смешиваясь с дождливой серостью. Отступал. Казалось, в три часа уже вечерело. Пришлось зажечь свет. В Лизином мобильнике нежно мурлыкала музыка. Комната наконец проветрилась, но стало очень холодно. Вытащив из шкафа темно-синюю олимпийку, я надела ее, чтобы согреться, машинально сунула руку в карман и наткнулась на небольшой пластмассовый предмет, который оказался черной флешкой. Увидев ее на моей ладони, Лиза удивленно замерла на секунду, затем протянула руку – забрать. Но я шутливо сжала кулак.

– Лучше ее выбросить, – поспешно сказала она.

– А вдруг там что-то важное?

– Не думаю! – Лиза вдруг засуетилась и, не закончив протирать стол, принялась выдвигать ящики комода. – Интересно, у Нади сигарет не завалилось?

Убедившись, что сигарет нет, она начала заправлять кровать.

Очень странная, совсем не свойственная Лизе дерганность насторожила.

– Эй, – окликнула я, – ты знаешь, что там?

Не поднимая головы, она неопределенно пожала плечами.

– Посмотри на меня, пожалуйста! Ты знаешь, что там?

– Возможно.

– Тогда, может, расскажешь!

– Очень хорошо, что это не попало в полицию.

– Хотелось бы более внятных объяснений.

– Ладно! – Лиза медленно выпрямилась. – Только пообещай, что не будешь ругать меня или обижаться.

Выражение ее лица стало вдруг таким виноватым, что в ту же секунду я поняла, что именно записано на этой флешке.

– Ты все-таки сделала это?!

– Мне были очень нужны деньги. Извини.

– Извини? Да это ужасно, Лиза! – Я потрясенно выдохнула. – Во всех отношениях ужасно.

– Я знаю, – едва слышно проговорила она. Ее огромные карие глаза заблестели. – Но то, что флешка не в полиции, просто чудо.

– Это же моя личная запись. И я просила тебя никому не показывать! – Я была готова расплакаться.

– А я не показывала, просто положила ей в сумочку.

– Как ты могла?! Это так подло.

– Она все равно ее проигнорила, как будто и не видела. Я даже подумала, что флешка у нее до сих пор в сумочке валяется.

В электрическом свете Лизина сумрачная тень на стене выросла до огромных размеров. Я попробовала успокоиться, убеждая себя, что в ее поступке нет ничего страшного, что люди так делают, что я привыкла и что было чересчур наивно не ожидать подобного. Но я не ожидала.

В детстве папа в игре все время меня подначивал: «Давай, бей в живот! Смотри, какой у меня пресс». Ну, я и лупила что было сил. Он смеялся, и я тоже. А потом как-то раз на кухне перегорела лампочка, и он стал ее менять. Поднял руки вверх, потянулся, футболка на животе задралась, и я по привычке от души ударила его прямо в «пресс». Лампочка разбилась, а он дулся на меня полдня, пока мама ему поучительно не сказала: «Никогда не расслабляйся». Но с Лизой я расслабилась.

– Значит, у тебя теперь есть мотив, – зло сказала я, лишь бы не заикливаться на ее поступке, не думать о нем и не убиваться в очередной раз по поводу того, что все люди предатели.

Лиза немедленно вспыхнула:

– С ума сошла?! Какой мотив? Мне тупо нужны были деньги, а не ее расплата за совращение малолетних. Я все равно никуда с этим не пошла бы. Ну, Микки, ты меня, что ли, не знаешь?

– Думала, что знаю, но такой подлости не ожидала.

– Не преувеличивай! Ты тоже от меня постоянно что-то скрываешь. Я же вижу. Совсем помешалась на своем Томаше. Откуда нам знать, что и как у них было? Может, она рассказала ему про запись, а он решил обезопасить себя?

– Эта запись угрожала только Наде, а теперь, наоборот, делает его первым подозреваемым, после тебя, конечно. Узнай о ней в полиции, к нему сразу придут с расспросами.

– Не сомневалась, что ты станешь его защищать.

– Все, иди домой, я сама тут закончу.

– Но, Микки, умоляю, давай не будем ссориться из-за какого-то дурацкого Томаша.

– Ты прекрасно знаешь, что не из-за Томаша, а из-за твоего отвратительного, подлого, предательского поступка. Уходи, пожалуйста!

Я дождалась, пока дверь за ней захлопнулась, и обессиленно рухнула на кровать.

Лиза сразу предложила шантажировать физручку, как только узнала об этой записи, но я была против. Если бы я что-то от Нади хотела, то просто пришла к ней и прямо выложила как есть: что все знаю, видела и имею доказательства. А подстраивать гадость только оттого, что Томаш выбрал ее, а не меня, было унижительно.

Это произошло на майские, почти перед той последней репетицией. Все мои друзья разъехались: кто на дачу, кто в гости. И я, чтобы не сидеть дома, слушая бесконечное нытье Кошечки, сначала шаталась одна по улицам, а потом, как обычно, зарулила в ТЦ, просидев там с одной порцией картошки не меньше часа, и уже собралась уходить, как в людском потоке, плавно текущем вдоль магазинов, вдруг заметила Томаша, а рядом с ним и Надю.

Томаш вел себя непривычно расслабленно и оживленно, а Надя просто из кожи лезла, красуясь перед ним. Цеплялась за его руку, хохотала и кокетничала. В другой руке она держала бутылку с водой, он нес пакеты с покупками. Негодование, обида, гнев, отчаяние захлестнули меня, да так, что на несколько минут я напрочь выпала из реальности, а очнувшись, помчалась их догонять.

Они зашли в «Колинз» и долго выбирали для него футболку. Покупателей было совсем немного, поэтому я отлично их видела. Надя хватала одну футболку за другой и разворачивала перед ним, а Томаш либо отрицательно мотал головой, либо пожимал плечами. Предположение, что она покупает ему шмотки, поразило меня не меньше остального. Бедным Томаш точно не выглядел, обычная повседневная школьная одежда без понтов, рубашки всегда светлые и чистые, брюки глаженные, пиджаки сидели безупречно. Но позволить своей учительнице себя одевать – это выходило за рамки даже моего потребительского цинизма, благодаря которому я не считала зазорным бесплатно брать вещи у Бэзила. Мы с ним хотя бы были одного возраста и почти на одной социальной ступени.

Набрав охапку вещей, они отправились в примерочную. В другом магазине мне и в голову не пришло бы пойти за ними, но здесь закрывающие кабинки шторы крепились высоко под потолком, а кольца, на которых они держались, были такими тугими, что задернуть тяжелую ткань, не оставив щели, никогда не получалось. Именно поэтому мы с Лизой редко сюда заходили. Я сильно рисковала, но страха не было. Возможно, мне даже хотелось встретиться с ними, чтобы посмотреть на выражения их лиц.

Примерочная была длинная, со множеством кабинок и зеркальной стеной в торце.

На входе продавцов не оказалось. Никто не пересчитал мои вещи и не выдал номерок с их количеством. Большинство кабинок пустовало, но Надя с Томашем ушли в самый конец. Это стало ясно по Надиному смеху.

Я остановилась напротив их кабинки. Сквозь щель были видны голое плечо Томаша и локоть прижавшей его к стене Нади. Они целовались. Я вошла в соседнюю кабинку, задернула штору и, настроив на телефоне запись видео, просунула его за свою штору так, чтобы объектив камеры находился прямо напротив их щели. Снимала секунд семь, замирая от страха быть обнаруженной, но, судя по их молчанию и шорохам, они продолжали целоваться.

С первого раза нормальной картинкой не получилось, в кадр попал только локоть Томаша и вешалки. Пришлось повторить два раза, немного меняя ракурс, чтобы наконец получилась десятисекундная запись, на которой вполне отчетливо можно было разобрать, кто есть кто и чем они занимаются.

Я привела там не дольше трех минут, но выскочила с ощущением, будто три часа пробиравалась через минное поле. Сердце колотилось как бешеное, радость победы переполняла меня, но, когда, устроившись на мягком диванчике, я пересмотрела то, что сняла, накатило странное опустошение: ущербное сиротское чувство потерянности и ненужности, а еще горькое разочарование, обида и боль. Я ненавидела их обоих. Отправила со злости запись Лизе и просидела на том диване до самого закрытия ТЦ.

Телефонный звонок раздался, когда я протирала зеркало. Негромкий, заунывно-протяжный, он будто доносился из глубины Зазеркалья, и мне потребовалось несколько долгих секунд, чтобы сообразить, что звук идет из старого стационарного телефонного аппарата, висевшего рядом с зеркалом на стене.

Я осторожно подняла трубку и сказала: «Алло», но никто не ответил. Несколько раз повторила, но слышала лишь молчание. Быстро собравшись, я ушла.

Глава 5

Я отдала Ольге Олеговне ключ и даже отсидела последний урок, чтобы потом пойти к Бэзилу. Лиза на занятия не вернулась, и Липа долго допытывался, куда она делась. В глубине души надеясь, что ей хоть немного стыдно, я ответила, что ничего не знаю.

– Че хмурая такая? – Как только мы попрощались с Филом, Бэзил закинул руку мне на плечо.

– С Лизой поссорилась.

– Расскажешь?

– Нет.

Он скорчил кислую мину, и до его дома мы шли в обнимку, но молча. Каждый под своим капюшоном. Дождь казался бесконечным. За его блеклой пеленой мир стерся.

У семьи Бэзила была большая квартира в новостройке, и у него имелась собственная комната – просторная, с огромной лоджией и маленьким диванчиком на ней, где он совершенно открыто курил, и его мама делала вид, что ничего не замечает. Она была дома, но работала и встречать нас не вышла. Прошли напрямик к нему. Бэзил мимоходом ткнул ноут. Тот тихонько зашелестел и вынырнул из сна громким: «Не плачь, прошу! Я тоже не вывожу».

Широко расставив руки, я свалилась на кровать и замерла. У Бэзила было хорошо. Воздух чистый, и все чистое. По полу босиком ходить можно, кровать широкая и мягкая. На такой я тысячу лет проспала бы, может, выспалась наконец.

Бэзил, по-прежнему молча, стал переодеваться в домашнее. Успел скинуть пиджак на спинку стула и снять штаны, когда ему кто-то позвонил. Еще минут семь, пока он, рассекая туда-сюда по комнате в трусах и расстегнутой рубашке, перекрикивал музыку, болтая о своих футбольных тренировках, я, глядя в потолок, отлеживалась тюленем и представляла, как будто это моя комната.

Мы друг друга не стеснялись. Привыкли обходиться без этого. Когда-то Бэзил нравился мне как парень. Он вообще многим нравился. Это делало его наглым и самоуверенным, а может, наоборот, наглость и самоуверенность делали его привлекательным, трудно сказать. У нас с ним даже были недели две нервной, сумасшедшей влюбленности. Такой, когда не понимаешь, то ли хорошо тебе, то ли ужасно плохо, круглосуточно переписываешься и никак не можешь отлипнуть друг от друга. Но потом начались ссоры. Ему казалось, что я на него давлю, а мне – что он не считается с моим мнением. В общем, после разодранного в ключья учебника химии и разбитого телефона мы очень быстро разлюбили друг друга и вышли на «новый уровень отношений», который оказался намного комфортнее. Больше никто никого не прессовал и ничего не требовал. Стало спокойно и просто, даже лучше, чем прежде.

А уже немного позже появилась договоренность о том, чтобы делать вид, будто мы вместе. Начал это Бэзил, когда к нему докопалась Левина, и он, чтобы избавиться от нее, наплел, будто все еще встречается со мной, и если я вдруг узнаю, что он с ней мутит, то прибью обоих. Сначала меня это разозлило, но потом самой понадобилась его помощь. Жирный Жора с приятелями повадились поджидать нас с Лизой после уроков и доматываться с тупыми шутками и приставаниями. А Бэзи хоть и говнюк, но не трус. На следующий день он действительно подошел к Жоре, отозвал его в сторону, и они в рекреации у подоконника что-то долго выясняли, а все остальные парни с интересом за этим наблюдали. Но они не подрались, разошлись мирно, и Жора отвял. Вот и получилось, что мы оба нужны друг другу.

Закончив разговор, Бэзил остановился напротив кровати. Тело у него состояло из сплошных высушенных мышц, как у легкоатлетов. На мой вкус, слишком жилистое и худое, но он себе нравился. Да и мое мнение в этом вопросе особо не требовалось. Я села.

Бэзил навел на меня телефон, сфотографировал и показал фотку: взъерошенные волосы, цвет лица в тон скандинавскому блонду, на верхней губе зрела лихорадка, а глаза такие, словно я под кайфом.

– Устала, наверное, – оправдываясь, сказала я.

– В последнее время ты мне вообще не нравишься.

– Ну извини! – Я откинулась обратно на кровать. – Сейчас немного полежу и уйду.

– Лежи, – милостиво позволил он.

Постоял немного надо мной, потом сел рядом.

– Что все-таки происходит?

– Сложно сказать... Такое чувство, как будто я выброшенная и никому не нужная. Еще немного – и меня вообще смоеет этим дождем к чертовой матери.

– Это из-за бабки?

– С ней было ужасно, но хотя бы понятно.

– Скучаешь по выносу мозга и скандалам?

– Нет, конечно, но я к этому привыкла и почти не замечала.

– Ага, не замечала, поэтому после школы сидела до упора в ТЦ?

– Все равно с ней был хоть какой-то порядок. А еще еда и свет иногда горел. Сейчас только экономим на всем. Кошечкой под дверью ванной стоит, слушает, сколько я воды потратила. Не орет, как Яга, но пилит постоянно. В грязных ботинках по квартире ходит, вещи не стирает, посуду за собой не моет... Нудит, что мы все потратили на похороны Яги и теперь вся его зарплата на коммуналку и жратву уходит. Если бы она хоть была, эта жратва.

– И что делать?

– Без понятия. Если только школу бросить и работать пойти, но до ЕГЭ всего ничего осталось.

– Может, тебе продать что-нибудь?

– У меня ничего нет. Если только душу, но кому она сейчас нужна?

– Да... С телом как-то попроще.

– Это не мой вариант.

Он наконец натянул красные клетчатые штаны:

– Хочешь вместе что-нибудь замутим?

– Что замутим?

– Пока не придумал.

В комнату вошла мама Бэзила. Привычки стучаться у нее не было, она, вероятно, единственная, кто не засомневался бы в наших истинно дружеских отношениях, даже если бы застала его в трусах. За ней рыжим пушистым шариком вкатился карликовый шпиц Мося и тут же запрыгнул мне на колени.

– Ребята, хотите чаю? – крикнула мама, думая, что из-за музыки мы ее не слышим.

Она была точной копией Бэзила, только с волосами.

– Давай тащи, – махнул рукой он, – и еды какой-нибудь для Микки.

– Спасибо, не надо, – из вежливости попыталась отказаться я.

– Дают – бери! Пора бы усвоить, – поучительно произнес он.

– Могу предложить зефир в шоколаде и ванильные пряники.

– Пойдет, – одобрил Бэзил, – только этого хоряка забери.

Он схватил уютно устроившегося у меня Мосю и кинул на пол.

– Про Сорочкину слышно что-нибудь? – Мама задержалась в дверях с таким откровенным любопытством, что стало ясно: чай она предложила лишь для того, чтобы об этом спросить. – Нашли убийцу?

– Мам, – Бэзил строго посмотрел на нее исподлобья, – мы же договорились не обсуждать эту тему.

- Я и не обсуждаю, просто интересно, есть ли новости.
- Нет никаких новостей, – раздраженно фыркнул Бэзил.
- Но Маша ведь дружит с Тамарой Андреевной. Она ничего не рассказывает?
- Завтра похороны, – сказала я, – их организует школа, потому что у Надежды Эдуардовны родственников не было.
- Серьезно? – Мама Бэзила удивленно посмотрела на нас, но, перед тем как закрыть за собой дверь, добавила: – Так этой стерве и надо.
- Когда звук ее шагов стих, я вопросительно повернулась к Бэзилу.
- Не-не, – замахал он руками, – давай лучше про Лизу, Кошея, про деньги, а про Надю не хочу. Надоело!
- Слушай, Вась, – не вставая, я поймала его за руку и усадила рядом. – А хочешь, я тебе про Лизу свою тайну расскажу, а ты мне про Надю? Про Лизу очень интересная тайна. Правда! Она тебе понравится. Кстати, физручки она тоже касается. И меня касается. И Лизы.
- Бэзил придвинулся и обнял меня за плечи.
- Знаешь, за что я тебя люблю? За то, что с тобой никогда не бывает скучно. Такое чувство, что у тебя постоянно где-то свербит. Но, поверь, эта тема гнилая. Даже если ты и узнаешь что-то, то никому от этого лучше не будет. По крайней мере, Надя твоя уже не воскреснет.
- Она не моя.
- Ну вот и все. Гадина она была, за то и поплатилась.
- Рассказывай уже. – Я ущипнула его за ногу. – Рано или поздно все равно всплывет. Пойду вот сейчас к твоей маме, и она мне просто так все расскажет, без всяких сделок.
- Смотрю, тебе резко полегчало. – Бэзил принялся энергично лохматить мне волосы обеими руками.
- Я его отпихнула, и мы немного повозились. Музыка продолжала играть. После чего он вскочил, открыл дверь в лоджию и, стоя в дверном проеме, закурил.
- И какие же у меня гарантии, что твой секрет стоит моего?
- Честного слова недостаточно?
- На самом деле ничего такого. Ты же про Антона знаешь? Что он пять лет в колонии просидел. Так вот, это Надя на него заявку накатала, что он типа ее изнасиловал. Но это был гон. Она сама до него целый год доматывалась. Письма писала, преследовала... – начал Бэзил спокойно, но постепенно стал заводиться. – А потом вот так отомстила. Мама, когда узнала, что она к нам в школу заявила, вообще в осадок выпала, пошла Тамару просить, чтобы ее убрали. Но Тамара уперлась – и ни в какую. Видите ли, ей жалко Наденьку, а Антона, блин, не жалко?
- Вот это да! А чего ты раньше не рассказал?
- Это не лучшие подробности биографии.
- Не твоей же.
- Слушай, мне Антон как брат и отец, вместе взятые. Все, что касается его, касается и меня. Ясно? Я за него любому горло перегрызу, виноват он или нет. Я ее вообще видеть не мог. На кой еще перетирать то, чего не было? Оно мне надо, чтобы по всей школе трепали?
- Я никому не сказала бы.
- Короче, чего сейчас-то? Проехали! У Антона даже ее записки остались. Он их в суде показывал, но на них никто не взглянул. Смотрели только на бедную Наденьку... тварь конченную. Мать ее тоже ненавидит.
- Давно это было?
- Ну, считай, три года назад Антон вышел. И там пять. Получается восемь лет назад. – Бэзил вернулся в комнату. – Давай свой секрет выкладывай! Посмотрим, наколола ты меня или нет.

– Короче, – я попыталась сделать равнодушное лицо, – у меня есть запись, как Надя целуется с Томашем. Я показала ее Лизе, а Лиза стала шантажировать этим Надю.

– Ого! – Наклонившись над ноутбуком, Бэзил вытаращился и замер. Музыка резко вырубилась. – И чего? Удачно?

– Нет. Лиза подкинула ей флешку в сумку, а Надя сделала вид, что ничего не находила.

– Флешку? – Бэзил поморщился. – Че, реально ими кто-то пользуется? Почему она не отправила по почте или в соцсеть?

– Потому что отправить и не запалиться сложнее, чем не запалиться с флешкой. А если бы Надя пошла в полицию и они отследили, откуда отправлено сообщение?

– Вообще-то для таких вещей существует VPN.

– Можешь меня не перебивать? Я даже не знаю, каким образом Лиза собиралась деньги получить, не в этом суть. Суть в том, что она это сделала. Я ее просила никому не показывать, но она все равно это сделала. Понимаешь?

– Бли-и-ин. – Бэзил раздосадованно потер бритую голову. – Ну почему я не знал? Организовали бы все в лучшем виде. Я бы к Наде напрямую пошел. Сказал бы: «Вот, тварь, либо мстить тебе за дядьку буду, либо денег давай». Она точно повелась бы. Отвечаю! Надя знала, как я к ней относился, и точно повелась бы...

– Я же объясняю, что не хотела этого. Ты меня не слышишь, что ли?!

– Как же жалко, что все сорвалось! – продолжал сокрушаться Бэзил.

– Кажется, следующим будет твое признание, что это ты запихнул ее в колодец.

– Прежде чем еще что-либо скажешь, – он погрозил пальцем, – сначала подумай.

– Вообще-то я надеялась на поддержку! – Я встала.

– Хочешь пива? – Бэзил полез под кровать.

– Какое еще пиво? Холод дикий. Пойду домой. Спать хочется.

– Мать чай с зефиром обещала.

– Расхотелось. В следующий раз.

Всю ночь меня дико знобило и пробирало ледящей дрожью. Кощей тоже кашлял. Из-за подгоревшей вермишели на кухне осталось приоткрытым окно, а заставить себя встать и закрыть его сил не было. Мысли то и дело перекакивали с живой Нади, красотки с ледяными глазами, на мертвую: спутанную мочалку волос и неестественно искривленную кисть руки. С Нади, игриво мурлыкающей на уроках физкультуры, на безумную злобную фурию в учительском туалете. Если бы не последняя сцена, если бы не сон, я, наверное, и не думала бы столько об этом. Не искала каких-то объяснений. Однако чувство, будто я имею к ее смерти отношение, прочно засело в мозгу. Флешка – шантаж – Лиза, похороны – Пуговицы – Томаш – растяжка – звонок из Зазеркалья, зефир с пивом – Бэзил – дождь, дождь, дождь.

Мне было плохо. Болезненно плохо. Сработал будильник, но я лежала и лежала, не в состоянии подняться, а когда заставила себя разлепить глаза, на улице было уже светло. Это означало, что я все же уснула, хотя совсем не чувствовала, что спала, и даже не слышала, как ушел Кощей. Я встала, попила теплой воды из чайника, обложила бумажными платками и снова завалилась в постель, а проснулась – наступил вечер, в соседней комнате работал телевизор. Из всех пришедших сообщений ответила лишь Бэзилу, что болею, выпила таблетку аспирина и в следующий раз проснулась только с очередным звонком будильника. На первом уроке ожидалась важная контрольная по математике, поэтому пришлось идти.

Ботинки так и не просохли. Из-за чашки сладкого утреннего чая с куском белого хлеба желудок сводило. Но температура как будто спала, и во всем теле ощущалась слабость. Я тащи-лась по темной, сырой улице и думала о том, что, когда стану самостоятельной и независимой, обязательно найду себе такую работу, где не нужно рано вставать. Или лучше сделаюсь начальником и прикажу поставить в своем кабинете большой мягкий диван и, приходя на работу, буду запирать кабинет и спать.

Рядом с нашим домом прошлой осенью сломали пятиэтажку и обнесли деревянным забором с зеленой тканевой сеткой, а на месте прежней заасфальтированной дорожки появился узкий, вечно утопающий в грязи деревянный настил. Всю зиму там работали краны, но выше забора ничего не выстроили, а весной кто-то проломил большущую дыру, так что ходить приходилось с риском свалиться в яму с трубами и торчащими острыми железяками. В школу можно было попасть и в обход, но потратив лишние семь минут. С утра вообще не вариант. Там-то меня и догнал Липа. Шли по настилу один за другим.

– Привет. Подготовилась к контроле?

– Не-а.

– Хочешь опять свалить?

– Хочу, но не буду. Все равно идти некуда в такую рань. Дома дед, а от холода я скоро сдохну.

– Лиза говорила, что вы ходили к Наде убирать.

– Да! – Я обернулась. – И чего?

– Осторожно! – Липа предупреждающе вскинул руку.

Мы как раз проходили мимо дыры.

– И чего? – повторила я.

– Просто любопытно.

Дошли до конца забора и поравнялись. Липа был мелкий, чуть выше меня, глазастый и суетливый.

– Тебе ее жалко?

Шумно пыхтя, он задумался.

– Надю? Не знаю. Но я рад, что пришел новый физрук.

– Ты же терпеть ее не мог.

– Подумала, что я мог бы ее убить? – рассмеялся он.

– Кто знает? Обычно вот такие тихие ботаники, как ты, и оказываются в итоге преступниками.

Закатив глаза, Липа тяжело и протяжно вздохнул.

– Если я кого и мечтал убить после каждого ее урока, так это себя.

Контрольная была сложная, но меня занимало совершенно другое. Взгляд настырно упирался в спину на второй парте. За кого Надя держала Томаша? За маленького питомца или он все же имел право голоса? Насколько она вообще была с ним откровенна? Рассказывала ли о флешке? Ведь если ему известно о записи, объяснять ничего не потребуется. Я должна была набраться смелости и поговорить с ним насчет растяжки. Но почему за эти дни ничего не выдало его расстройств? А выражение лица оставалось таким же ровным и невозмутимым, как всегда? Томаш не был замкнутым, нелюдимым или мрачным. Он охотно общался со всеми, кто проявлял к нему интерес, разговаривал, смеялся и рассказывал истории. Держался доброжелательно, но на расстоянии, ничего про себя не рассказывая и о других не спрашивая. А когда заканчивались уроки, домой шел всегда один. За полтора года учебы у нас он так ни с кем не подружился. Все, что мы знали о нем, – это то, что ездил он на автобусе и у него была младшая сестра, которая училась в четвертом или пятом классе.

Я была уверена, что самомнение Томаша зашкаливает. Типа он такой умный, красивый, хороший и правильный, а мы низкопробная районная шушера. И не только из-за того, что он так нелепо и обидно меня послал, скорее из-за ситуации, случившейся чуть позже, в декабре. Было холодно, и шел снег. На ступенях школы под козырьком стояла девочка: расклешенная юбочка, два хвостика, за спиной массивный портфель. Она жалась, стараясь увернуться от радостно вылетающих из школы девятиклассников.

Я узнала в ней сестру Томаша и притормозила.

– Отошла бы, а то затопчут.

Девочка послушно сделала шаг назад, но не ушла.

– Ты к брату?

Она кивнула.

Какой-то придурак, закидывая рюкзак на плечо, чуть не заехал ей по лицу, и я едва успела отдернуть ее в сторону.

– Идем внутрь. Там безопаснее и теплее. – Я отвела ее к столику охранника.

– Стой здесь.

– Спасибо, – прошептала девочка, и по ее щекам потекли слезы, – я телефон потеряла.

Его украли. Положила рядом с собой, когда переобувалась, а потом смотрю – пропал.

– Хороший телефон?

– Конечно, хороший. Он же мой.

Она дрожала как осиновый лист, и я накинула ей на плечи свою куртку.

– Не расстраивайся. С телефонами так часто бывает. Они ломаются, разбиваются, пропадают. К этому нужно привыкнуть.

– Что ты тут делаешь? – раздался за спиной голос.

Я выпрямилась. Сзади стоял Томаш.

– У меня телефон украли, – повторила девочка.

– Понятно. – Брат снял с нее портфель.

– Если локация была включена, – сказала я, – можно попробовать его найти. Мы один раз так вернули телефон.

– Спасибо, – на меня он даже не взглянул, – сами разберемся.

Я протянула руку:

– Куртку можно забрать?

– А, да, конечно. – Он снял мою куртку с сестры и передал мне.

Когда я отошла в сторону и остановилась, чтобы одеться, услышала, как Томаш сказал сестре:

– Я тебя предупреждал, что с незнакомыми нельзя разговаривать?

– Но это же Микки из твоего класса.

– Откуда ты знаешь, что она Микки?

– Все ее так называют. Она же популярная и крутая.

– Какая глупость, – недовольно проворчал он, – это плохая популярность. В следующий раз не разговаривай ни с ней, ни с другими «крутыми». А с телефоном сейчас решим.

Томаш поднял голову, и мы встретились взглядами. Он понял, что я все слышала, но ничуть не смутился. После жестокости я больше всего ненавидела самодовольство и снобизм. Наверняка их семья, судя по фамилии, переехала из какой-нибудь Польши или Чехии, где у него была насыщенная, благополучная жизнь и где он кинул не одну девушку.

Не решив ни одной задачи, я сдала пустой листок.

На биологии в класс заглянула Ольга Олеговна и вызвала меня в коридор.

– Сходите с Лизой Ткаченко, уберитесь, – протягивая тот самый ключ от Надиной квартиры, приказным тоном велела она. – Вчера поминки были. Остался бардак. Мне сейчас некогда кого-то еще искать.

– Я сама схожу, без Ткаченко.

– Тогда возьми кого-нибудь из мальчиков. Пришлось стол у соседей просить и шкаф двигать. Кого тебе отпросить – Степина? Краснова?

– Томаша, – неожиданно выдала я, отчетливо осознавая, что «час икс» настал.

Глава 6

Половину пути до Надиного дома мы почти не разговаривали. Просто шли быстрым шагом, не глядя друг на друга. В одной руке Томаш нес большой черный зонт, другую прятал в кармане. В туманной серости осеннего утра из-под расстегнутой куртки его рубашка светилась неестественно нежным пятном. Я мерзла, а ему было жарко, и этот жар ощущался даже на расстоянии. Однако от соседства под зонтом я отказалась, а свой не носила.

– Почему ты позвала меня? – все-таки спросил он, когда мы уже почти пришли.

Вероятно, всю дорогу об этом думал. Но у меня был заготовлен ответ.

– Ольга Олеговна велела тебя взять.

– Из-за стола, наверное.

Надо мной навис зонт.

– В смысле?

– Я вчера у соседей стол просил. Нужно вернуть.

– Ты ходил на похороны? – опешила я.

– Только на поминки.

У Томаша были широкие густые брови и длинные ресницы, а глаза какие-то светлые, но из-за тяжелого пасмурного взгляда они казались темными. Стрижка ровная, манекенская, всегда одной длины, как будто он никогда не обрастал.

Впрочем, его спину я изучила намного лучше, чем лицо.

– Вы же с Надей вроде как... дружили?

– Да.

– Но расстроенным ты не выглядишь.

– Много времени прошло.

Я продолжала сверлить его взглядом:

– Ты должен был заволноваться, когда она исчезла.

– Думал, что переехала.

– Вот так – в один момент? Ушла, не попрощавшись, поздним вечером посреди репетиции и переехала?

– При чем тут репетиция? – Томаш настороженно посмотрел на меня.

– Ты видел Надю после того вечера перед юбилеем школы?

Он медленно, но без малейшего удивления покачал головой, в его глазах не отразилось ничего, кроме меня самой. Однако для разоблачительного разговора было рано.

Перед большой лужей я выскочила из-под зонта, обогнала его и пошла вперед.

В квартире стоял запах заветрившейся еды, алкоголя и парфюма. Разувшись, Томаш первым делом отправился мыть руки. Затем снял синий школьный пиджак, аккуратно повесил его на спинку стула, поправил на комод траурную фотографию Нади и, закатав рукава рубашки, присел, чтобы разобрать занимающий полкомнаты стол.

Мама Томаша, наверное, очень гордилась им. Все мамы хотят иметь таких образцовых, правильных сыновей: красивых, умных и рассудительных. Умеющих разобрать стол, предлагающих зонт и пахнущих альпийскими лугами. Вот только догадывалась ли она о Наде?

Я еще немного постояла, наблюдая, как он складывает стол, и пошла на кухню. Грязные тарелки были наставлены в раковине, стеклянные миски с остатками салатов засунуты в холодильник. Мусорка забита бумагой, салфетками и пакетами из-под сока. Но бутылок от спиртного не было. Это, пожалуй, единственное, что они потрудились убрать. Я достала черный пластиковый пакет для мусора и переложила все тарелки из раковины в него. Зачем мыть? Все здесь, что когда-то имело значение, превратилось в бессмыслицу.

Если у меня когда-нибудь будет своя квартира или дом, я ничего не стану собирать или тратить деньги на вещи – на сервизы, дизайнерские шторы, брендовые спортивные костюмы. У меня будут только сухие ботинки и огромная удобная кровать, которую я завещаю кремировать вместе со мной.

Хлопнула входная дверь. Томаш понес стол соседям. Интересно, как часто он бывал в этой квартире?

В холодильнике оставались оливки, соленые огурцы, колбасная нарезка и селедка. Сначала я хотела их выкинуть, но потом решила, что Кощей обрадуется такому разнообразию, и, пока Томаш не вернулся, собрала все в непрозрачный белый пакет с ручками и спрятала за дверь.

Он неслышно вошел, когда я подметала пол, и остановился на пороге.

– Я все. Помощь нужна? Могу выкинуть мусор.

– Похороны – это такая формальность, – в тот момент я как раз думала об этом. – Люди приходят на них ради самих себя, чтобы совершить хороший поступок и потом спать спокойно. Или просто порадоваться, что умерли не они.

– Вообще-то приходят, чтобы выразить любовь и уважение к умершему, – в голосе Томаша прозвучало осуждение.

Я выпрямилась:

– Выражать любовь нужно живым, а мертвым она уже не нужна.

Несколько секунд мы смотрели прямо друг на друга, после чего он кивнул с таким видом, словно я сказала какую-то гадость, но это было ожидаемо и ничуть его не удивило.

– Что мне еще сделать?

– А ты любил Надю?

– Что? – Он поморщился, как будто не расслышал, но я готова поклясться, что по его лицу пробежала тень.

– Вы же общались и все такое... – Я сделала многозначительную паузу. – Что конкретно ты хотел выразить, когда пришел к ней на похороны?

– Я пришел, потому что так правильно! – Он без труда выдержал мой требовательный взгляд.

– А почему у Нади не было друзей, которые хватились бы ее?

– Я не знаю.

– Кто-нибудь из них пришел на похороны?

– Нет. Зато Павел Степаныч был.

– Трудовик? Ого! Круто. Наверное, рыдал горячими слезами?

– Почему ты такая злая, Микки? С человеком случилось несчастье, а ты только насмеяешься. Даже если Надя тебе не нравилась, сейчас это уже не имеет никакого значения. Ты жива, а она мертва. Считай, что ты победила. Только держи это в себе.

Его слова прозвучали унизительно, в глазах читался укор.

Я бросила веник на пол и вытащила флешку.

– И это ты собираешься учить меня морали?

– Что это? – Он протянул руку, но я резко убрала флешку за спину.

– Ты знаешь.

– Без понятия.

– Ваши с Надей похождения.

– Извини, Микки, я не понимаю, чего ты хочешь. – Томаш улыбнулся.

– Я хочу, чтобы ты во всем сознался! – выпалила я на одном дыхании, совершенно не подготовившись. Думала вывести его из себя, но он не поддался, только задумчиво нахмурился.

– Сознался в чем?

– В том, что это ты ее убил.

Я внимательно следила за его реакцией. Очевидно, что он напрягся, но очень старался этого не показывать, поэтому, улыбаясь, продолжал смотреть мне прямо в глаза, как это делают животные, когда решают, стоит ли им напасть или лучше отступить.

– Неожиданно. И зачем мне это?

– Откуда я знаю? Возможно, из ревности или потому, что ты маньяк.

Встряхнув головой, он неожиданно рассмеялся, как если бы вдруг сообразил, что это розыгрыш.

– Мне ничего не стоит пойти сейчас в полицию и отдать им эту флешку.

– Можешь объяснить, что на ней?

– Там запись вашего с Надей секса.

– Не может быть. Покажи!

Он снова протянул руку. Взгляд у него был медленный, но движения быстрые. Я отпрянула. Снисходительная улыбочка наконец-то стерлась с его лица. Он явно разволновался.

– Где ты это взяла и зачем она тебе?

– Пойду с ней в полицию.

Его плечистая фигура, закрывающая дверной проем, казалось, выросла до размеров кухни и угрожающе нависла надо мной.

– Считаешь, это доказывает мою виновность?

– Пусть полиция разбирается, – откликнулась я как можно беспечнее.

Уловка сработала. Впервые я видела на его лице нечто большее, чем демонстративное равнодушие.

– Скажи просто, что тебе нужно. Ведь что-то нужно, да? Иначе ты не провоцировала бы здесь меня, а была уже в полиции! – Он перевел дыхание.

– На что это я тебя провоцирую? Теперь ты и меня, как Надю, трахнешь и бросишь в колодец?

На секунду он словно провалился в свои мысли, а после короткой паузы вынырнул.

– Тебя? Нет. Чего ты хочешь?

– А что ты можешь предложить?

Пора было переходить к разговору о растяжке, но злить его было забавно.

Однако Томаш отступил. Вышел в коридор. Постоял там какое-то время, успокаиваясь, затем стал обуваться.

– Ты куда? – Я выбежала следом. – Мы не договорили.

– Ты несешь какую-то чушь. У тебя ничего на меня нет. Докажешь – будем разговаривать.

– И ты вот так просто уйдешь?

– Мне здесь больше делать нечего! – Он сорвал куртку с вешалки и вышел, громко хлопнув дверью.

Я, конечно, повела себя, как стерва, но выбор между добром и злом всегда неоднозначен и правильного решения в большинстве случаев не имеет. На самом деле я просто очень нервничала – и меня понесло. Предполагалось, что я всего лишь спрошу про растяжку, и, если бы это был не Томаш, разговор сложился бы совсем иначе. Наверное, мне стоило перестать думать об этом. Расслабиться и отвлечься. Возможно, дело было в холоде или непрекращающемся дожде, в простуде и задолбавшем беспорядке, в хронической усталости и надвигающихся ЕГЭ. А тут еще Надя: в реальности и во сне.

Почему все же она сказала тогда, что это я в чем-то виновата? Была ли Лиза права, что все дело в ревности? Или, может, Надя решила, что флешку подкинула я? Поводов для ее злости могло быть сколько угодно, но когда она говорила «Ты виновата», то имела в виду что-то конкретное, то, что уже случилось или должно было произойти. Что-то, о чем я могла пожалеть. Была ли она действительно такой жуткой, как мне теперь вспоминается? И почему во сне я никак не могу разглядеть ее лицо? Время стирает память. Вот как с мамой, например. Хотя

я и помнила, как она выглядит, но особо и не помнила. В памяти остались лишь отдельные моменты и ситуации, а какой она была на самом деле, забыла.

Хотелось вспоминать только хорошее, но я не могла себе этого позволить, ведь она же меня бросила. А значит, и не стоила хороших воспоминаний. Они разъедали мне душу и вносили смуту в сердце и мысли.

Не будь Кощея, я бы тоже стала одинокой. Обо мне бы тоже никто наверняка не сожалел, и, чтобы убрать в квартире, пришлось бы звать каких-нибудь левых людей. И все равно Томаш не имел права вот так уходить. Это было оскорбительно, пусть я и нарочно выводила его. Взгляд уперся в оставленный на спинке стула пиджак. Я сняла его и оглядела, как если бы это был опасный, плохо изученный предмет, затем понюхала. Никакого особенного или необычного запаха не было. Пиджак пах Томашем настолько, насколько я успела его узнать. Проверила карманы. В одном из них нашелся ластик, а в другом я нащупала что-то маленькое и круглое, но вытащить не смогла. Вывернула карман наизнанку и обнаружила обычную, только пришитую изнутри серую пуговицу.

Томаш написал в «Ватсап» минут через двадцать. Я уже ушла из Надиной квартиры. Спросил, там ли я еще, и пожаловался, бедолага, что забыл пиджак. Я ответила, что пиджак забрала и оставляю его в школьной раздевалке, потому что на занятия сегодня уже не пойду. Не могла же я отправиться на уроки с пакетом вчерашней еды. Колбасной нарезкой и селедкой от него воняло за версту.

Ключ я занесла директрисе. Сначала ее секретарша не хотела меня пускать, но, услышав мой голос, Тамара Андреевна велела зайти. Она сидела за столом бледная и заплаканная, и, громко высморкавшись, сразу выложила:

– Они пытаются приплести к этому Женечку, представляешь? Моего Женечку.

– К смерти Надежды Эдуардовны? – неуверенно уточнила я, потому что сама думала только об этом.

Тамара Андреевна всхлипнула:

– Они написали, что Женечка – угроза. Что я не имею права допускать его к работе с детьми и что он, возможно... Что он... имеет к этому ужасу какое-то отношение.

– Кто такие «они»?

– Не знаю. Кто-то. Родители. Из-за отвратительной галиматши в интернете. Мне звонили из РОНО. Требуют срочно его убрать. Господи, как им такое пришло в голову? Что за люди? – Тамара Андреевна вытерла ладонью слезы. – Он еще не знает. Ума не приложу, как ему сказать об этом.

– А полиция что? Они вообще собираются проводить расследование?

– Ну какое расследование? – Она снова шумно высморкалась и обреченно махнула рукой. – Дело шестимесячной давности. Кому это нужно? Они и так страшно рады, что удалось сразу установить личность. Это только в кино что-то расследуют. В жизни у всех полно текучки. У Веры Васильевны муж – полицейский. Говорит, столько бумажек приходится заполнять, что больше ни на что времени не остается.

– Понятно... – Я задумалась, стоит ли говорить ей про растяжку. В кино показывали, что исследуют даже ткань, если на ней остаются отпечатки, но директриса была права: кино – это кино.

С Женечкой мы подружились, когда я переехала к Кощею с Ягой и чувствовала себя катастрофически несчастной. Ему было четырнадцать, и, вероятно, я даже была немного в него влюблена, как может быть влюблена десятилетняя девочка во взрослого милovidного мальчика с ясным взглядом и розовым румянцем на нежном лице. Он водил меня по району и обучал «устройству нашего мира». На обычной улице, посреди белого дня он то и дело замечал какие-нибудь знаки, послания или сигналы, которыми обменивались сущности.

В одну из первых наших прогулок, проходя мимо арки, где на стене были выведены непонятные каракули в стиле граффити, он прочел слово: «Воздержание».

– Что это такое? – спросила я.

– Это правило-напоминалка, – с таинственным видом ответил он.

– Какая еще напоминалка?

– Об осторожности, конечно. Когда скамейки покрашены, на них тоже напоминалки пишут, чтобы никто не испачкался. А еще на дверях пишут «выход», чтобы не забыть.

– И о чем же это правило?

– О том, что все должно быть по правилам.

– Чудесно! Масло масляное.

– Это хорошее правило. Когда нет правила, получается беспорядок. А беспорядок открывает двери в дестрой.

– Что такое дестрой?

– Это место, где живут сущности.

– Демоны ада?

– Нет, сущности.

– Они злые?

– Разные. Бывают и хорошие сущности, но чаще плохие. Им нужны твои эмоции и чувства. Твой разум и сознание. Все нематериальные вещи, которыми обладает человек: здоровье, красота, сила, молодость, энергия и даже время. Все то, что в нашем обычном понимании нельзя отдать или забрать, для сущностей – особая ценность.

– И как же они выглядят?

– Обычно, как любые люди, как ты или я.

– А их много?

– Конечно.

– И как же их узнать?

– У тебя не получится.

– Почему?

– Ты не умеешь видеть суть.

– Что такое суть?

– Суть – это истина. Знаешь фокус, где три стаканчика и шарик, который фокусник быстро-быстро перекачивает из одного стаканчика в другой. Он так ловко их переставляет, что ты не можешь понять, где на самом деле шарик.

– Наперстки, что ли?

– Суть – это как тот шарик. Ясно? Нужно видеть только ее.

Я вроде бы и понимала, что он все выдумывает, однако глубокая убежденность, с которой сам Женечка в свой мир верил, невольно передавалась и мне. Он считал, что его предназначение состоит в охране всеобщего миропорядка. И если вдруг этот порядок нарушится, наступит полный хаос, или, как он называл, дестрой. Женечка любил школу и заботился о ней, как никто другой. Он был уверен, что все, что малейшим образом нарушает порядок, будь то невычищенные мусорные баки, сухая листва на дорожках или разросшаяся трава, приоткрывает двери в дестрой и выпускает его в наш мир. Самое удивительное, что все эти дни, обдумываемая происшествие с Надей, я ни разу не подумала о нем. А ведь Женечка наверняка был в тот вечер в школе. Его просто не могло не быть.

Обойдя весь школьный двор, я заглянула в подвал, столовую, проверила в кабинете труда и, в конце концов, нашла Женечку во дворе средней школы, здание которой находилось от нас неподалеку. В полупрозрачном дождевике он обрезал кусты. Заметив меня издали, Женечка выпрямился и застыл с секатором в руке.

– Еле тебя нашла.

- А что случилось? – забеспокоился он. – С мамой что-то?
- Нет. Все в порядке. Просто давно не виделись. Хотела поболтать.
- У меня работа, – с важным видом заявил он.
- Работай, я рядом постою.

Женечка медленно отвернулся к кустам и стал чикать выбивающиеся из общего ряда веточки.

– Какие новости? – нарочно понизив голос, полупшепотом спросила я. Это должно было означать, что речь пойдет о его тайной миссии.

– Ты знаешь, – откликнулся он неохотно, – дверь распахнулась, и теперь неизвестно, что будет.

– Скажи, а ты помнишь тот вечер, когда твоя мама осталась допоздна перед школьным концертом? Весной. Тогда еще зеркало разбилось.

Женечка перестал чикать и замер, стоя ко мне спиной. Мне хотелось увидеть его лицо, но давить было опасно: от любого напора он с легкостью мог замкнуться, уйти в себя и вообще перестать разговаривать.

– Точно, – тихо проговорил он, – все это случилось из-за разбитого зеркала.

– Нет, погоди! Вспомни, что ты тогда делал.

– Складывал коробки от книг. В библиотеку привезли новые учебники. Было очень много коробок.

– Ты находился в библиотеке?

– В библиотеке, – повторил он задумчиво.

– И никуда оттуда не выходил?

Он неопределенно пожал плечами:

– Писать ходил. Два раза.

– А когда узнал про зеркало?

– Мама пришла и велела его снять.

– А мы где были?

– Тебя не было. Ты ушла с Васей.

– Можешь очень хорошо подумать и сказать мне честно...

– Я всегда говорю честно! – Он резко обернулся. – А думаю как умею.

– Не обижайся, я хотела просто попросить, чтобы ты постарался вспомнить что-нибудь необычное или странное. Может, ты видел что-то или слышал?

– Странное происходит каждый день. А вот необычное редко. Зеркало разбилось – это очень необычно. И плохо.

– Ты знаешь, что Надежда Эдуардовна с твоей мамой поссорилась?

Женечка кивнул.

– А знаешь из-за чего?

Громко шурша дождевиком, он по-детски замотал головой.

– Я хочу выяснить, что случилось с Надеждой Эдуардовной. – Я снова понизила голос. – Выяснить, как она оказалась в том колодце и почему. Можешь узнать у мамы, из-за чего они поругались?

– Мама тут ни при чем, – твердо сказал он.

– Конечно, ни при чем, но, когда неизвестность исчезнет, исчезнет и туман. Появятся ясность и понимание. А это значит, что дестрой отступит, а дверь закроется.

– Ты очень умная, Микки, – Женечка потрясенно открыл рот, – я попробую.

Кошечка был дома. Телевизор в его комнате что-то громко вещал.

– Эй, – крикнула я, проходя на кухню. – Я тебе еды раздобыла. Можем вместе поесть.

Но он не отозвался, даже громкость не убавил. Я плюхнула пакет на стол и отправилась мыть руки. Пока мыла, снова подумала о Томаше. Как он стоял в ванной и, глядя в зеркало,

приглаживал растрепавшиеся волосы, а увидев в отражении, что я смотрю, смущенно опустил глаза. Томаш смутился. Такие самоуверенные люди, как он, никогда не смущаются. Что все-таки с ним было не так? Я считала, что после летних каникул все успокоилось и прошло. Что мое сумбурное увлечение им было навеяно весенней лихорадкой, глупостью и задетым самолюбием. И вот теперь это началось снова. Под теплой водой окоченевшие пальцы согрелись, и стало немного легче.

Из телевизора доносились жуткие крики и звуки выстрелов. Решительным шагом я вошла к Кощею в комнату – и остолбенела. Кощей лежал на полу лицом вниз, возле левой руки валялась чашка. Молоко, которое в ней было, серым пятном впиталось в ковер. Он не шевелился. Я бросилась к нему, со страхом прикоснулась к голому плечу и с огромным трудом перевернула на спину. Лицо было бледное, губы совсем потеряли цвет, но пульс прощупывался, а грудь заметно вздымалась. Я легонько похлопала его по гладко выбритой щеке, а затем, накрыв шерстяным клетчатым пледом, вызвала «Скорую». Врачи приехали быстро. Их было двое: молодой приятный парень с бородой и суетливая тетка.

Со мной они разговаривали отрывисто и требовательно: «Что случилось? Сколько ему лет? Есть ли хронические заболевания, аллергия на лекарства?» Про заболевания и лекарства я ничего не знала. Кощей жаловался на политику, цены, работу и погоду, но на здоровье никогда.

Они присели возле него на корточки, разложили свои чемоданчики, обмотали предплечье лентой прибора для измерения давления, задрали майку и поставили на костлявую грудь какие-то присоски с проводами. Спрашивать, что с ним, было глупо, поэтому я просто стояла, опершись о косяк, и смотрела. Но тетке это все равно не понравилось, и она потребовала, чтобы я не мешала.

Кощей почти всегда был на стороне Яги, чего бы она мне ни высказывала. Тихим эхом подхватывал ее слова и раз по тридцать повторял одно и то же: «Нахалка ты, нахалка. Неблагодарная нахалка. Змеюка бессовестная. Гюрза. Маленькая подлючка. Кукла бессердечная. Оторва. Транжирка и тунеядка». На эпитеты они никогда не скупилась. Яга и Кощей любила распекать, но меня они шпыняли вдвоем. По большей части беззлобно, между делом, «для профилактики» – посмеиваясь, говорила Яга. В первое время я, конечно, переживала. Много плакала и страдала, но потом привыкла и перестала слышать, пропуская их слова мимо ушей. Иногда, когда совсем доставали, я, конечно, срывалась и отвечала им в том же тоне, чему Яга была даже рада. Ну как же, девочка «оправдала ожидания» и «показала себя во всей красе», что неудивительно, ведь яблоко от яблони недалеко падает.

Формально Кощей был моим дедом, маминым отцом, но маму он точно так же ругал, как и меня. Отца, кстати, тоже. Просто маму они знали лучше, поэтому и вспомнить могли все ее прегрешения еще до того, как она вышла замуж и уехала от них.

– Приступ сняли, – сообщил парень-врач, выходя из комнаты. – Сегодня все должно быть в норме. Завтра придет участковый. Режим постельный.

– У него сердце?

– Сердце тоже. Но может быть что угодно. Необходимо обследоваться. Без анализов даже приблизительно ничего не скажешь.

Они собрали свои чемоданчики и ушли. Кощей лежал в кровати, опершись спиной о подушки, с каким-то жалким, провинившимся видом.

– Извини, – сказал он, – сам не знаю, как это получилось.

– Что у тебя болит?

– Ничего не болит.

– Так не может быть.

– Может.

– Они сказали, что тебе нужно обследоваться.

– Ага. Уже бегу.

– Я селедку принесла в горчичном соусе. Хочешь?

– А картошку сварить?

Кощея всю жизнь кто-нибудь обслуживал. Сначала его мама – моя прабабушка, потом бабушка Люся, потом ее родная сестра Яга, которая никогда не была замужем и своих детей не имела. Она и с Кошеем-то жила не как жена, а, скорее, как нянька, приняв шефство над ним после смерти сестры.

– Ладно.

Я подняла с пола плед, собрала мусор, оставленный врачами, и отправилась на кухню варить картошку.

– Все-таки иногда ты бываешь нормальной! – крикнул Кощей мне в спину.

В его устах это был очень щедрый комплимент.

Глава 7

Изначально никто не хочет быть плохим.

Каждый в детстве знает, что Кощей Бессмертный и Баба-яга плохие. А сам ты добрый, честный, справедливый и выступаешь на стороне правды и света. Иначе и быть не может. Но чем старше становишься, тем сильнее размывается граница, отделяющая хорошее от плохого. Внезапно оказывается, что Кощей – измученный, страдающий артритом дед, Баба-яга – старая некрасивая одинокая женщина, а людоед и вампир просто особенные, ведь их вины в том, что они родились именно такими, нет. Красная Шапочка – манипуляторша, Золушка – закомплексованная жертва, Иванушка-дурачок – наглый, глупый раздолбай, которому все достается на халяву. И когда ты это вдруг понимаешь, сказка заканчивается. Добра и зла больше не существует. Выбрать становится невозможно. И ты сам уже не знаешь, на какой стороне находишься.

Моя сказка закончилась, когда мне было восемь, однажды в субботу утром во время завтрака. Мама отчего-то накрыла стол на двоих, а папа, который обычно поднимался раньше всех, с постели так и не встал. Я спросила, не заболел ли он, а мама ответила, что ей все равно. И сразу, пока я не успела оправиться от удивления, выложила, что они разводятся. Она сказала это по-доброму, ласково, так, чтобы я типа не переживала, и от этого ее слова прозвучали неправдоподобно.

– Мы с тобой навсегда уедем в Италию. Представляешь? Это там, где Колизей, Пизанская башня и Венеция. Хочешь увидеть падающую башню?

– А папа?

– Папа останется здесь.

– Навсегда?

– Ага. Пусть один прозябает в этой унылой серости.

– Какой серости?

– Ну, здесь, в Москве.

Я огляделась. Кухонные шкафчики у нас были сочно-оливкового цвета, шторы на окнах и скатерть рыженькие, кухонный абажур ярко-желтый.

– Здесь все разноцветное, – не поняла я.

– Это я образно сказала. Просто Москва скучная, холодная и грязная. Зимой слякоть, летом пыль. А в Италии кругом зеленые поля, море и бескрайнее голубое небо.

– Как же мы тогда папу оставим?

– Микки, мышонок, нам с ним придется развестись. – Мама крепко зажала мою руку в своих ладонях. – Это значит жить раздельно. Ты же поедешь со мной?

– Я не знаю.

– Как не знаешь? Я же твоя мама.

– Нет, конечно, я хочу с тобой, но с папой тоже хочу.

– Так не может быть. Все уже решено.

– Хватит настраивать дочь против меня! – крикнул из комнаты папа. – Она никуда не поедет. Микки, зайди ко мне.

Вырвав у мамы руку и все еще ничего не понимая, я побежала к папе в спальню. Он сидел на кровати.

– Иди сюда.

Папа взял меня к себе на колени:

– Ты же со мной, мышонок, правда? Уж ты-то меня не бросишь?

– Я не знаю.

– Она тебя уже подговорила? – Он печально вздохнул.

– Я хочу с тобой, но с мамой тоже хочу.

– Так, к сожалению, не получится. Нужно выбрать.

Но как? Как я могла выбрать кого-то из них, если любила родителей одинаково? И они меня тоже любили. Так, по крайней мере, мне казалось. Любили, заботились, постоянно баловали и никогда не наказывали. Да и между собой до этого дня при мне не ругались.

– Ты сейчас поступаешь некрасиво. – Мама нарисовалась в дверях. – Мы с тобой уже все решили и договорились.

– Ничего не договорились, – отозвался папа, – пусть Микки сама решит.

– Конечно сама! – Мама ласково улыбнулась мне. – Но со мной ей будет лучше.

– А как насчет твоего престарелого хрена? С ним ей тоже будет лучше?

– Люк тут ни при чем. Не вмешивай его.

– О чем ты думаешь? Неужели я отпущу своего маленького мышонка черт знает куда?

– Твой эгоизм зашкаливает. Я даже не за себя сейчас прошу. Подумай о ее будущем!

– Я думаю о том, что у каждого ребенка должна быть нормальная семья. И Машина семья вся здесь. Все бабушки и дедушки, я, в конце концов. А там у нее не будет никого. Совсем никого. Только старый обрюзгший макаронник и его свежее испеченная макаронина.

– Ты нарочно пытаешься оскорбить меня при дочери?

– Про тебя я не сказал ни слова.

Они долго ругались. Но я мало что слышала и уж тем более запомнила, кроме того, что близится нечто ужасное и какой выбор ни сделай, все будет плохо. Единственное, что я смогла придумать, – это не выбирать никого. Тогда, по моему мнению, родители должны были оба остаться со мной, ведь каждый из них меня сильно любил. А я любила их. Вот только сказка закончилась, а я об этом еще не знала.

Из-за того, что я продолжала упорно отвечать, что хочу быть и с мамой, и с папой, начались долгие суды, где папа говорил, что отдавать маме ребенка нельзя, поскольку у нее нет работы и последние пять лет не было, что в другой стране она не сможет обеспечить мне нормальные условия проживания, ведь нет никаких гарантий, что ее новый брак продлится долго. А мама убеждала судью, что оставлять меня папе нельзя, потому что он безответственный и слишком много времени проводит на работе. Папа привел в суд своих родителей, они ругали маму, а мама притащила Коцея с Ягой, которые до этого момента в моей жизни почти не появлялись, но благодаря особому дару красноречия Яге удалось выставить папу в таком ужасном свете, что его мать набросилась на нее с кулаками прямо в зале суда и их еле разняли.

Вскоре маминему новому итальянскому мужу вся эта тягомотина надоела, и мама, пообещав скоро меня забрать, улетела в Турин. Как только она уехала, папа перевез меня к своим родителям. Поначалу они со мной возились и выполняли любые прихоти, но потом оказалось, что меня нужно водить в школу, помогать с уроками и кормить. Это было сложно, ведь дед тоже работал, а бабушка вечно страдала от мигрени и плохо себя чувствовала. Мое присутствие их сильно тяготило. И пусть в лицо они мне улыбались, за спиной постоянно слышалось перешептывание: «Я больше так не могу» и «Как же я устала».

Когда папа нашел себе женщину и стал с ней жить, меня с облегчением вернули ему. У той тетки тоже была дочка, моя ровесница. Они надеялись, что мы подружимся и станем сестрами, но мы только ссорились и регулярно дрались из-за всего подряд, начиная от игрушек и вещей и заканчивая едой. Я нарочно задиралась и вела себя мерзко, но та девка была еще хуже, и я ее ненавидела. Впрочем, к тому времени я ненавидела уже всех, включая маму, которая постоянно писала, но ничего не делала. Наверное, она ждала, что я признаю свою вину и буду умолять ее меня забрать, но виноватой я себя не чувствовала. Да, я не выбрала ее. Но и не отказалась, как это она сделала со мной. То были совершенно жуткие нескончаемые два года. Сначала я ушла из своей старой школы и перевелась в бабушкину, потом снова вернулась в старую, но уже совсем другим человеком.

Домашние скандалы с папиной женой и ее дочкой сделали меня равнодушной и непробиваемой. Упреки, придирки, истерики... При первой же возможности я стерла из памяти их лица и имена. А потом в один прекрасный день приехал Кощей и увез меня к себе. Больше меня никто не делил и не хотел.

На самом деле Кощей по паспорту был Георгием Николаевичем, а Яга – Ольгой Владимировной. Но они называли друг друга только прозвищами, которыми обменялись еще в молодости, когда Кощей женился на бабушке Люсе. Яга была ее родной сестрой и всю жизнь жила вместе с ними. Приятными людьми бабка с дедом не были, но они единственные никогда не притворялись и не вралли мне о своей любви. Я им была нужна из-за квартиры: пятиэтажку обещали вот-вот снести, и Яга очень рассчитывала взамен старой квартиры получить «трешку», чтобы потом разменять ее на две квартиры: самим жить в «двушке», а однокомнатную сдавать.

На следующий день после школы я нагнала Томаша по дороге домой и, чтобы лишний раз не попадаться никому на глаза, дошла за ним до автобусной остановки, откуда он ездил. Уроков было семь, еще и допы, уже темнело, и видеть меня он не мог. Подошла, когда он, сложив зонт, спрятался под навес остановки. Кроме нас там была всего одна бабушка. Увидев меня, Томаш удивился, но сказать ничего не успел, потому что я сразу же сунула ему свой телефон.

– Ты хотел доказательств? Смотри.

Он с опаской взял телефон и включил десятисекундную запись.

– Откуда у тебя это?

– Неважно. – Я забрала трубку обратно.

– И что же ты хочешь?

Мы стояли на остановке очень близко, а разговаривали тихо. Шум проезжающих машин и дождь заглушали слова.

– Хочу все узнать.

– Что все?

– Все, что не понимаю.

– Вряд ли я смогу тебе в этом помочь.

– Ты знал, куда мы спрятали растяжку?

– Ты сейчас о чем?

– О репетиции, когда пропала Надя. Пытаюсь понять, что случилось в тот вечер.

– Нет, не знал.

– Вы с Надей поссорились?

– Можно сказать и так.

– Из-за чего?

– Судя по всему, тебя назначили следователем. – Его улыбка и неприкрытая ирония в голосе задевали.

Я всегда равнодушно относилась к подколкам Бэзила или Фила, мы спокойно могли обзывать друг друга, а потом продолжить болтать как ни в чем не бывало. Но слова Томаша звучали совсем иначе.

– С чего это ты такой высокомерный? Считаешь себя лучше других?

– Тебе показалось.

Но мне не показалось. Возможно, я немного терялась, разговаривая с ним, и его это забавляло, а может, он сам навязывал такую манеру общения, которая создавала необъяснимое неловкое напряжение. Но ни с кем другим я не испытывала ничего подобного. Будто стоит оступиться, потерять равновесие, и он снесет тебя, как мчащийся поезд.

Из-за угла вырुлил длинный автобус.

– Надеюсь, вопросы закончились, – сказал Томаш, – потому что следующий автобус через двадцать минут.

Я влетела в раскрывшиеся двери до того, как он успел что-то возразить.

Томаш неохотно вошел следом, приложил проездной к валидатору и, медленно пройдя через салон, встал рядом, ухватившись за поручень. Капли на его щеках блестели и притягивали взгляд, их очень хотелось вытереть.

– Мы едем к тебе, – объявила я.

– Это невозможно.

– Почему?

– Просто невозможно – и все.

– У тебя дома родители? Бабушка? Родственники из Польши, Чехии или откуда ты там, и ты меня стыдишься? А Надю ты знакомил со своими?

– Количество вопросов зашкаливает.

– В твоих интересах ответить на все. Если я продолжу тебя подозревать, то пойду в полицию.

Я выудила из кармана визитку дядьки из полиции и помахала перед ним.

– Они просили сообщать им обо всем интересном. А запись из ТЦ достаточно интересная.

– Тебе она нравится? – Томаш гипнотизировал взглядом, но я выдержала его.

– Очень, поэтому не хочу с кем-то еще делиться.

Он рассмеялся, и мне стало легче.

– Понимаешь, дело не в том, есть ли мне что скрывать или нет, – сказал он. – Дело в записи и тебе самой. С моей стороны очень наивно рассчитывать на полное ее удаление отовсюду под твое честное слово.

– Мое честное слово будет заключаться не в гарантиях ее удаления, а в том, что я не пойду с ней в полицию.

Автобус плавно притормозил, и двери со скрипом растворились, резко схватив за руку, Томаш вытащил меня из салона. Я споткнулась и чуть не упала.

– Почему мы вышли?

Он молча раскрыл над нами зонт.

– Ты испугался, что я с тобой поеду? – внезапно догадалась я. – Правда?

От абсурдности этого поступка мне вдруг стало так смешно, что я расхохоталась на всю улицу. Смеялась и никак не могла остановиться.

– Прекрати себя так вести, – одернул меня Томаш.

– Как так? Мне нельзя смеяться? Это первая веселая вещь, которая со мной произошла за столько дней. Ты испугался, что я пойду к тебе?! Блин, Томаш, это же дико смешно.

– Ты очень громко смеешься. Вызывающе и развязно.

– Что? Развязно?

«Развязно» – дурацкое бабкино слово. Без пяти минут ругательство или оскорбление.

– Если ты поклянешься не ходить в полицию, я готов ответить на твои вопросы.

Тяжесть его взгляда припечатывала к земле.

– Ладно, – я натянула улыбку, – вопросы так вопросы...

Я выдержала многозначительную паузу:

– Ты считаешь меня красивой?

Серьезное выражение лица, с которым он чересчур быстро ответил: «Да!», вызвало новый приступ смеха.

– Что-то еще? – нетерпеливо спросил он.

Мне нужно было узнать у него важные вещи, не стоило ерничать, но, как и в тот раз в Надиной квартире, я просто не могла удержаться, словно насмешки придавали мне уверенности.

– Ты специально так сказал, чтобы от меня отделаться?

– Нет.

- А я красивее, чем Надя?
- Какое это имеет отношение к тому вечеру?
- Самое прямое. Мне нужно составить твой психологический портрет.
- Прикалываешься?
- Да.
- Надя считала тебя стервой.
- Ну и правильно считала. Лучше быть стервой, чем проституткой.
- В таком случае твои клятвы ничего не стоят.

Он отвернулся и зашагал по дороге в сторону движения автобуса, унося с собой зонт. Холодные капли мигом остудили вспыхнувшее было негодование. Я опять все испортила.

Когда я перевелась в эту школу, то была настроена очень агрессивно. Задиралась, хамила и ни с кем не желала общаться. Они все по определению были против меня, а я против них. Фил с Бэзиллом пытались поставить меня на место, но у них это плохо получалось, потому что ни на какое место я не ставилась. Во мне сидела накопившаяся злость, и она требовала выхода. А в шестом классе я потеряла в раздевалке мешок со сменкой. До самого вечера искала, а на следующий день она обнаружилась на своем обычном месте, и купленные Ягой на распродаже ненавистные лодочки нежно-персикового цвета лежали себе преспокойно в мешке. Вот только их подошвы оказались склеены так, что разъединить их было уже невозможно. В том, что это сделали Бэзил и Фил, я не сомневалась, поэтому на следующий же день они нашли свои куртки, намертво приотканные скотчем друг к другу. Парни орали как ненормальные, Бэзил грозился побить меня. Мама Фила пришла в школу и наехала на завуча. Влетело охраннику Марату и дежурному классу. Меня прессовала классная, но доказать они ничего не могли. Однако после того случая между мной и пацанами наметилось заметное потепление, и уже через пару месяцев мы вместе отправились на другой конец Москвы, чтобы устроить такой же прикол со сменкой отцовской приемной дочке. Потом случались безбилетные рейды по кинотеатрам, голодные налеты на «Ашан», где можно было бесплатно поесть горячие булочки или пончики и не спалиться, потому что за свежей выпечкой не так тщательно следили, как за чипсами или шоколадом. Исследование огромного подвала Дворца творчества и полночи под сценой в Измайловском парке.

За Измайловский парк нас всех чуть не убили. Но мы и сами дико перепугались. Вышло так, что во время прогулки мы повздорили с местными дворниками-киргизами, и они стали за нами гоняться. Их было много, и, пока мы бежали к метро, отовсюду появлялись все новые и новые люди, как в компьютерной игре с зомбаками. Уже стемнело, и стало страшно. Пришлось спрятаться. Думали, отсидимся немного, дворники уйдут, и мы спокойно выйдем, но они, как назло, собрались прямо на площадке перед сценой и уходить не собирались. Мы смотрели на них через щели в досках и строили жуткие версии того, что они с нами сделают, если найдут. Бэзил написал забомбившей его звонками и эсэмэсками маме, что мы прячемся, но объяснить толком, где находимся, не мог. Около двух часов нас искали по всему парку с полицией и доставили домой в соответствующем сопровождении.

Всю оставшуюся ночь Яга орала, что завтра же сдаст меня в интернат, а я, обливаясь горячими слезами, умоляла ее этого не делать. Угроза интерната была самой страшной. Если бы мне пригрозили тюрьмой, это и то напугало бы меньше. С тех самых пор, как я переехала к ним, тень интерната постоянно маячила у меня за спиной. Яга рассказывала, что детей там бьют, кормят отбросами из собачьих мисок, приковывают цепями к батарее и травят психотропными лекарствами. Что в интернате тебя могут продать, и повезет еще, если в секс-рабство, потому что часто берут и на органы. И хотя, немного повзрослев, я понимала, что большая часть из этого неправда, избавиться от ужаса попасть туда не могла. И это было единственное, чего я по-настоящему боялась.

В седьмом классе наши безумные похождения с парнями внезапно прекратились. Мы резко отделились друг от друга: у них появились от меня секреты, а я подружилась с Лизой. Лиза была не такой, как я. Она всегда была девочкой-девочкой. Носила юбки, сережки и колечки, пыталась краситься и вкусно пахла. Сойдясь с ней, я неожиданно обнаружила огромный пробел в своей жизни, который принялась спешно наверстывать. Модные шмотки, соцсети, фотки, парни и отношения – это все Лиза. Денег у нее, как и у меня, никогда ни на что не было, но зато было страстное желание их иметь. Мы часами могли валяться у нее дома на полу, просматривая трендовые луки и фантазируя, как все это в один прекрасный день появится у нас. Но вместо этого у ее мамы появился Серж, и нам со своими девчачьими мечтами пришлось переместиться в ТЦ, потому что Серж был странным. Он часто оставался дома и время от времени пытался подкатить к нам. Лиза его боялась и возвращалась, когда мама приходила с работы.

В восьмом классе мы с ней познакомились со многими ребятами из нашего района, ездили тусоваться с неформалами, чуть было не связались с наркоманами, пережили несколько глупых любовных драм и лишь каким-то невероятным чудом избежали того, чтобы это все плохо не закончилось.

Когда Тамара Андреевна стала директором нашей школы и меня первый раз привели к ней в кабинет, она сначала долго и недоверчиво смотрела, будто перед ней был кто-то другой, а не я, после чего велела сесть и еще минут пять молчала, всем своим видом демонстрируя глубокое осуждение. Однако в пятнадцать любое осуждение лишь будоражило, а критика провоцировала. К тому времени я уже сама неплохо связывала слова и отстаивала собственное мнение, которое имелось по любому вопросу и требовало быть высказанным. Стыдно мне не было, страшно тоже. А из наказаний я боялась только интерната.

– Ты мне очень нравишься, Маша, – сказала директриса, – и мне казалось, что мы с тобой находим общий язык.

– Тамара Андреевна, это же школа, – в своем привычном тоне заявила я. – Здесь вы по одну сторону баррикад, а я по другую. Мы не можем нравиться друг другу.

– Баррикады предполагают военные действия.

– Ну да.

– Потому ты подговорила девочек бойкотировать урок труда?

– И поэтому тоже.

– А еще почему?

– Потому что она нас унижает.

– Кто? Елена Владимировна? И как же она вас унижает?

– Говорит, что мы криворукие, бесполезные, что нас никто замуж не возьмет и что у нас ногти длиннее мозга.

Тамара Андреевна кинула взгляд на мои руки, и я с вызовом растопырила пальцы с бледно-розовым лаком перед ее глазами.

– У меня короткие ногти! Но она вешает ярлыки и всех равняет под одну гребенку. И почему это я должна уметь варить ее дурацкий суп? Это вообще касается моей личной жизни. Какое ей дело, как я чищу картошку или вставляю нитку в иголку? А сама даже голосовое отправить не может. И кто из нас тупой?

– Почему же ты не пришла ко мне и не рассказала, что Елена Владимировна вас обижает?

– Если бы я пошла жаловаться, меня перестали бы уважать.

– А теперь уважают?

– Теперь – да.

– А вот в этом ты ошибаешься...

– Ой, вот только не надо. – Подобных бесед в моей жизни состоялось великое множество. – У вас, взрослых, свое уважение, у нас свое. Это у вас принято, улыбаясь в глаза, стучать друг на друга. А у нас все по-честному.

– И почему же тогда ты здесь?

– Елена нажаловалась.

– Елена Владимировна, конечно, сообщила мне. Но... почему ты одна здесь? Почему нет других девочек?

– Потому что я вас не боюсь, а они боятся.

– Совсем нет. Ты здесь потому, что кто-то из них рассказал Елене Владимировне, что это вы с Лизой подговорили всех сорвать урок.

Тамара Андреевна поддерживала меня, прощала и вытаскивала из различных передраг почти всегда. Однако в прошлом году произошло нечто непонятное. У Риты Петренко пропали часы – дорогие, брендовые, она их носила просто так, ради понтов, а на физ-ре снимала и прятала в одежду. Про это знали все, но у нас если что и пропадало, то в основном деньги из кошельков, а тут вдруг часы.

После урока Петренко сразу заметила пропажу и подняла вой. Кто-то сбегал за Надей, та пришла и говорит: «Девочки, давайте проверим ваши вещи». Все возмутились, конечно, но, поскольку никто эти часы не брал, а Рита продолжала рыдать, согласились. Показали сумки, карманы, руки. Ну, и часы моментально нашлись – в моем рюкзаке в боковом кармане. Что это подстава, было ясно как божий день. И даже не оттого, что я брезгую чужим, в первую очередь потому, что я не дебилка: если бы мне и понадобилось что-то украсть, то никто в жизни меня не запалил бы. И девчонки это знали. Я же не первый год в своем классе училась. Но Надя не знала и потащила меня к директору. Я с ней особо и не препиралась, потому что знала, как все будет. Тамара Андреевна скажет, что если никто не видел, как я брала эти часы, то и обвинять меня нельзя. Она всегда верила мне. И я не ошиблась. Из директорского кабинета мы вышли довольные тем, что недоразумение благополучно разрешилось, часы нашлись и ни у кого ни к кому претензий нет.

Вот только на следующий день поднялась странная волна. К директрисе пришли родители Петренко и стали требовать исключить меня из школы. Не знаю, кто и что им наговорил, но тут же подключились родительский комитет и обиженные учителя. Вспомнили все мои прошлые прегрешения: ссоры с одноклассниками, которых на самом деле было не так уж и много, сорванные уроки, прогулы и хамство. За несколько дней из меня сделали трудного, агрессивного подростка со склонностью к кражам и асоциальному поведению. Конечно же, «простым» подростком я никогда не была, но бóльшая часть из того, в чем они меня обвиняли, была полнейшей выдумкой и преувеличением.

В итоге Тамара Андреевна, вызвав меня к себе, очень нервничая и пряча глаза, осторожно предложила мне сменить школу. Если бы я действительно совершила плохой поступок, то, скорее всего, стала бы качать права и ругаться. Но я просто обалдела. Спокойно выслушала ее и ушла домой, где немедленно выложила все Яге. Не в поисках какого-либо сочувствия (Яга меня никогда особо не жалела), а потому что Тамара Андреевна всегда немного ее побаивалась, скрывая это под маской благоговейного уважения. В свое время, когда они вместе работали в старой школе, Яга сама была директрисой – жесткой, стержневой и принципиальной. Впрочем, такой же, как и дома. Услышав мою историю, она так взбудоражилась, что тут же отправилась в школу, а вернулась еще в большем бешенстве и, ничего не объясняя, весь вечер орала на нас с Кощеем за все подряд. А на мои вопросы ответила лишь одной фразой: «Ты остаешься в школе. Это не обсуждается. Ни одна ведьма тебя больше не тронет».

И в самом деле, вспыхнувшая на ровном месте буча быстро улеглась, а через месяц никто и не помнил, что случилось. Кроме Яги, конечно. Ведь к огромному списку ее благотворитель-

ности в отношении меня добавилось еще одно благодеяние, о котором она, не унимаясь, твердила с утра до вечера.

Глава 8

Утром у ворот школы в шуршащем дождевике меня поджидал взволнованный Женечка. Поманил издали рукой, а когда я подошла, на одном дыхании выложил:

– Я все узнал. Мама наругалась на Надю из-за того, что она не оправдала ее доверия.

– А как не оправдала?

– Разве это важно?

– Конечно важно! – тут же вспомнилась Яга. – Можно забыть купить хлеба или переварить макароны. Это тоже типа не оправдать доверия, но мелко. А можно накосячить по-крупному. Обмануть или подставить.

– Не знаю, – Женечка серьезно покачал головой, – любое доверие дорого стоит. Завоевать доверие сложно, а потерять легко. Так мама говорит.

– Идем, я опаздываю. – Я прошла через калитку на школьный двор и обернулась.

Женечка остался за забором:

– Мне туда нельзя.

– Можно.

– Мне запретили.

– Ты же со мной.

– Мама с меня обещание взяла. Я не могу, иначе обману ее доверие.

До звонка оставалось две минуты. Но я вернулась к нему.

– Ну а что-то еще твоя мама говорила про Надю?

– Сказала только, что покрывала и защищала Надежду Эдуардовну до последнего...

– От кого защищала, ты выяснил?

– Нет. Она расплакалась. И я тоже. Не могу видеть, как она плачет. И спрашивать не буду про это больше. И говорить.

– А если я спрошу?

– Нет! Не вздумай! – его выкрик в утренней тишине прозвучал слишком громко. – Она сейчас и так постоянно плачет.

Шел четвертый урок – физика. Действующее значение силы тока. На улице обозначилось просветление. Дождь на время прекратился. На дорожках появились люди: гуляющие с колясками мамочки, пенсионеры с палками для скандинавской ходьбы, женщины с продуктовыми сумками. За забором, схватившись за прутья, который час подряд стоял человек в прозрачном дождевике и смотрел на школу. Мне не нужно было видеть выражение его лица, чтобы понять, что с ним происходит. После мамы Женечка больше всего на свете любил школу. Ему тяжело давались эмоции, но он определенно страдал. Я понимала Женечку, как никто другой. И пусть мои чувства были притуплены не с рождения, я точно так же, как и он, отчетливо ощущала необъяснимое и неизбежное наступление хаоса. Человечки в тетради, которых я всегда рисовала на полях во время урока, яростно бились о толстую кирпичную стену, отступая перед разрастающейся тьмой. Тихим вибрирующим кряком пришло сообщение. Я открыла и не поверила своим глазам: «Ты мне сегодня приснилась». Перечитала эту фразу раз двадцать и огляделась. Сообщение было от Томаша, но, может, кто-то взял его телефон и решил приколоться? Томаш сидел очень ровно, и лишь едва заметно склоненная голова выдавала, что все-таки он держит телефон.

«Просто какой-то очень добрый сон был. Светлый. И ты в нем добрая, поэтому написал».

– Томаш, повтори, что я сейчас сказала! – Физичка стояла неподалеку от его места, и ей, в отличие от меня, было прекрасно видно, чем он занимается.

– Как и при механических колебаниях, в случае электрических колебаний нас не интересуют значения силы тока, напряжения и других величин в каждый момент времени, – четко, слово в слово произнес Томаш с места.

– Хорошо. Но телефон все равно, пожалуйста, убери. – Физичка одобрительно похлопала его по плечу.

Обычно ему никогда не делали замечаний. Но после того как она отвернулась, он все равно прислал еще одно сообщение: «Извини за вчерашнее. Я не хотел, чтобы вышло грубо». Остальные пол-урока я размышляла над тем, как ему ответить. Но, ничего не придумав, решила не отвечать вообще. Писать Томаш перестал, однако неожиданного намерения выяснить со мной отношения не оставил и, после того как я, постояв немного с Бэзилем и Филом под дождем за гаражами, отправилась домой, нагнал, не доходя до деревянного забора строящегося дома. Надо мной навис его зонт, и я обернулась.

– Чего ты хочешь?

– Чтобы ты меня пригласила к себе, – нагло заявил он в стиле моих вчерашних провокаций.

– С какой это стати мне тебя приглашать?

Он шел сзади по настилу и держал зонт надо мной. На секунду остановился возле ямы, заглянул в нее, но тут же снова поравнялся со мной.

– Могли бы и на улице поговорить, но здесь холодно и дождь.

– О чем поговорить?

– Я знаю, что ты меня в чем-то подозреваешь, но я ничего плохого не сделал.

– И почему я должна тебе верить?

– А вот об этом я и хотел поговорить в нормальной обстановке.

– У меня дома ненормальная обстановка.

Мы дошли до моего подъезда. Притормозив, я поняла, что если прогоню его, то потом просто умру от любопытства. Открыла металлическую дверь.

– Ладно. Давай внутри поговорим.

Мы поднялись на один этаж. С его волос, плеч, зонта текло, с меня тоже. Мы остановились друг напротив друга. Я оперлась спиной о перила. Около минуты Томаш ничего не говорил, молча разглядывая меня. Его обычно тяжелый взгляд был спокойным и ласковым. В прошлый раз, когда я с искренним простодушием решила, что нравлюсь ему, он смотрел так же. Мне потребовалась изрядная доля мужества, чтобы собраться и не растаять.

– Давай по делу. Если я немедленно не переоденусь, точно заболею.

– Не хочу, чтобы ты думала обо мне плохо. – Обозначая открытость, он ласково улыбнулся.

Еще одна провокация, будто нарочно мстил за мои издевки в автобусе.

– А тебе не все равно?

– Как выяснилось, нет! – Он вытер с моей щеки капли, и у меня по спине пробежали мурашки.

Это было уже слишком. Я поднялась на одну ступеньку вверх.

– Тебе что-то от меня нужно?

– Хотел поговорить. Мне приснился сон...

– Это я уже слышала, – перебила его я, чувствуя, как сильно колотится сердце. – Можно конкретнее?

– Мне приснился сон, и я решил, что должен извиниться.

Он снял с меня капюшон и провел рукой по волосам, приглаживая их.

– Тебе так лучше.

Слова застряли в горле. Дурацкий Томаш. Зачем он это делает? От беспомощности я готова была расплакаться. Вся прежняя злость и обида улетучились в один момент. На ум не

приходило ни одной злой шутки, а сил дать ему отпор не находилось. Мозгами я понимала, что это разводка, но желание откликнуться на его тепло оказалось еще сильнее.

– Что-то не так? – Он перестал улыбаться и с таким участием заглянул в глаза, что я тут же бросилась вверх по лестнице.

Я неслась, перемахивая через ступеньку, на полной скорости до своего этажа и потом несколько минут стояла перед дверью, пытаюсь отдышаться, чтобы Кощей не подумал, будто за мной гнались. Но он преспокойно спал. После приступа Кощей заметно ослаб. Взял на работе больничный и лежал все время. Ему было шестьдесят девять. Не такой уж и старый, чтобы помирать. Перед тем как выключить телевизор, я немного задержалась, приходя в себя и слушающая прогноз погоды. Жизнерадостный дядька в круглых очочках обнадеживающе сообщил, что через неделю дожди окончательно прекратятся и наступят холода.

Томаш, похоже, недооценил мои умственные способности. Решил, что, поддавшись на его нежности, я с легкостью сдамся и меня будет легко уговорить удалить ту запись. Или хотя бы держать на близком расстоянии, чтобы мне не пришлось в голову ломануться в полицию. Испугался после вчерашнего разговора и раскаялся в своем недальновидном поведении. Видел же, что продолжает мне нравиться, и решил этим воспользоваться. Хитрый, безжалостный план. Вот уже третий раз он делал мне очень больно, так больно, что я не знала, куда себя деть и как избавиться от этой горечи. И все же самое отвратительное во всем этом было то, что я чуть было не повелась на это из-за того, что неоднократно представляла себе нечто подобное. Стыдные, глупые, девчачьи романтические фантазии. Мысли, с которыми я постоянно вела войну. Чертова флешка. Чертов Томаш. Чертовы осень и дождь. Что-то окончательно запуталось во мне. Не переодеваясь, я достала телефон.

– Привет.

– Давно не виделись, – усмехнулся Бэзил.

– Ты должен кое-что для меня сделать.

Бэзил немного помолчал:

– А меня за это не посадят?

– Если будешь осторожен, то нет.

– Теперь я заинтригован.

– Мне нужно, чтобы вы с Филом побили Томаша.

Бэзил удивленно фыркнул:

– За то, что не отвечает на твою любовь?

– Нет, просто тупит он, а пытается выставить душой меня.

– Но я-то тут при чем?

– Ты же типа мой парень. Забыл?

– Ладно, я с ним поговорю.

– Нет. Разговоры не прокатят. Он не поймет. Я очень на него зла. Просто побейте его – и все, чтобы знал, что со мной лучше не связываться. Не в школе, а так, чтобы без шума и неприятностей.

– Что он такого сделал-то? – Бэзил явно был озадачен. – Расскажешь?

– Помнишь, я говорила тебе про флешку, которую Лиза подкинула Наде? Так вот, Томаш боится, что я отнесу ее в полицию, и поэтому решил меня соблазнить.

– И как я понимаю, безуспешно. – Бэзил громко и неприятно заржал. Я подождала, пока он отсмеется.

– А еще Томаш пообещал рассказать полиции про тот вечер и репетицию, что вы с Филом были там пьяные и угрожали Наде. Пришлось соврать, иначе Бэзил окончательно перевел бы все в шутку.

– А вот это уже фигово! – Он задумался. – Хорошо, я поговорю с Филом. Что-нибудь придумаем.

Договорить мы не успели. Кто-то позвонил в домофон, и, чтобы Кошей не проснулся, я немедленно бросилась открывать. Пришла Лиза, мокрая и растерянная.

– Липа во всем сознался. Насчет Нади. Это он ее убил, – стоя на площадке и не давая мне оправиться от первого приступа изумления, выдала она. – Сейчас мне признался. Он же ушел домой, помнишь? Но на самом деле никуда не ушел, а остался ждать, когда Надя выйдет из школы.

– С чего это вдруг он тебе сознался?

– Я вспомнила, что снимала видео тогда. Ты мне сама еще велела снимать, как Надя обзывает его и остальных. Я показала ему. Тогда-то он и раскололся.

– Что он еще сказал?

– Что любит меня.

– Тоже мне новость!

– Раньше он никогда этого не говорил. – Лиза потупилась. – Никак не могу представить Липатова убийцей. Разве он способен на такое?

– Очень жаль.

– Почему?

– Потому что Сене очень хочется, чтобы ты думала, что он на это способен.

– Ты не веришь ему? – Лиза удивленно распахнула глаза.

– Нет.

– Почему?

– Откуда у него растяжка, если он ушел и в школу больше не возвращался в тот день?

– Кто-то мог выкинуть ее на помойку за школой.

– А как, по-твоему, Липа справился бы с Надей? Он даже до колодца он не смог бы ее дотащить.

Лиза задумалась:

– Но зачем ему наговаривать на себя?

– Из-за тебя, конечно, чтобы ты не считала его чмошником.

– Но это ведь глупо!

Поймав себя на мысли, что уже совершенно спокойно размышляю в духе «это он убил» или «не он», я пожала плечами.

– Ты меня не простила? – с надеждой спросила Лиза.

– Мне вот очень интересно, а в жизни всегда так? Или это со мной что-то не то? Все кругом предатели или только мне попадаются такие?

– Думаю, что все, – охотно отозвалась Лиза. – Верить никому нельзя. Когда не веришь, вопрос предательства отпадает сам собой.

– Ты права, но все равно странно. С чего бы тогда все уперлись в это «веришь – не веришь»? Люди постоянно кидают и обманывают друг друга. Для кого выдумана эта сказка о доверии?

– Давай все же помиримся! Я без тебя скучаю. И мне очень-очень жаль, что я так поступила.

– Я тебе не верю.

– Почему?

– Мы ведь только что решили, что без веры нет предательства.

Лиза снова сникла:

– Я поняла. В таком случае дай знать, если передумаешь.

После ее ухода я отправилась на кухню, отыскала в холодильнике банку шпрот с Надиных поминок и тут же, стоя возле окна и задумчиво глядя сквозь сумерки на стройку, съела ее всю в один присест. Дождь громко стучал по подоконнику. Запах шпрот у меня ассоциировался

с Ягой. Был ее день рождения, и мы заканчивали последние приготовления к приему гостей. Яга шпыняла меня с самого утра, но я мужественно терпела.

– Какого черта новую упаковку салфеток открыла? В серванте еще старая осталась.

– Я не видела.

– У тебя глаза на заднице? Никогда ничего не видишь! Ну хоть тарелки посчитать сумела.

Удивительно. Зато вилок шесть. Почему шесть?

– Случайно.

– Вот сама и будешь руками есть. Где соль? А хлеб? Я же все нарезала, нужно только принести. Так трудно принести? Я об очень сложных вещах прошу? Тяжело принести хлеб на стол?

– Я не успела.

– Господи! Не успела она. Почему я все успеваю? С шести утра еще не присела. Стол приготовила, квартиру убрала... И это в свой же день рождения! Чтоб он провалился. Никакой от тебя помощи и толку. Что ж за горе-ребенок нам достался? У всех девочки как девочки, помощницы, а у нас сплошное недоразумение. Даже хлеб с кухни принести не может.

Яга демонстративно сходила за плетеной корзинкой с нарезанным хлебом и поставила на край накрытого стола. Критично оглядела его и всплеснула руками:

– А это еще что такое? Ты решила нас всех отравить? – Она схватила блюдо с открытой банкой шпрот. – Ну что за злыдня-то такая?!

– Вы сами велели шпроты поставить.

– Не эти же, другие. Я их вчера специально к столу покупала. Стокилограммовую сумку притащила. Думала, руки оторвутся. А эти просроченные, бестолочь!

– Но я их из холодильника взяла.

– А срок годности посмотреть нельзя было? Или позаботиться о здоровье других слишком обременительно для тебя?

– Я думала, все, что в холодильнике, съедобное.

– Не ври! Специально, небось, подсунула, а то я тебя, оборотку, не знаю.

Яга всегда считала, что все против нее сговорились и хотят навредить. И этот список вредителей возглавляла именно я.

– Ничего я не подсовывала. Хотела помочь.

– Помочь? Помочь отправиться мне в могилу?

Я взяла просроченную банку и понесла ее в туалет.

– Куда! – завопила Яга.

– Выброшу их, раз они плохие.

– Совсем сбрендил? Оставь сейчас же! Это на суп. Миллионерша нашлась. Хорошие продукты в толчок спускать.

– Вы сказали, что это отравка.

– Что ж за поганка-то такая? Все, все мне назло делает! – Она резко вырвала блюдо, на котором стояла банка со шпротами, у меня из рук, и масло выплеснулось прямо на ее нарядное платье. Яга ахнула, а я немедленно схватила со стола солонку и обильно посыпала пятно.

– Пошла вон, скотина неблагодарная! – Со злостью оттолкнув меня, Яга упала в кресло и разрыдалась.

– Что случилось? – из дальней комнаты выполз благоразумно отсиживающийся Кощей.

– Все! Никакого дня рождения не будет. Этому платью уже десять лет и ни единого пятнышка! А теперь его только выбросить. И на что мне теперь новое купить? А? На что?

– У вас зарплата есть, – огрызнулась я.

– Да? Зарплата? А то, что я на эту зарплату тебя, тунеядку, содержу, забыла?

– М-да... – Услышав про деньги, Кощей покачал головой. – Стыдно. Очень стыдно.

– Я, когда вырасту и работать пойду, все вам верну.

– Когда ты вырастешь, нам уже ничего и не понадобится, – фыркнул Кощей. – Может, мы не доживем до того времени.

– Я уж точно не доживу, – сквозь рыдания проговорила Яга. – Она меня в могилу раньше вгонит.

– Туда вам и дорога, – не выдержала я и, хлопнув дверью, ушла к ребятам в ТЦ.

Несмотря на дождь, кран на стройке продолжал работать, высоко поднимая громадные бетонные блоки и переносил их с места на место. Люди ходили под ними и даже не задумывались, что блок может случайно сорваться и в один миг превратить их в лепешку. А может, и задумывались, но у них просто не было выхода?

На следующий день гнев на Томаша немного стих, и я собиралась сказать Бэзилу, что задание отменяется. В конце концов, я сама дала Томашу повод думать, что пытаюсь привлечь его внимание. Сама дразнила его и злила. И на его месте я тоже попыталась бы воспользоваться ситуацией в свою пользу. Однако после математики учительница дала Липе листок с контрольной, чтобы он посмотрел свои ошибки, и, пообещав скоро вернуться, вышла. Все остальные тоже ушли. Был последний урок. Такого шанса упускать не стоило. Опершись обеими руками о стол, Липа склонился над партой и, хмурясь, вглядывался в контрольную.

– Ты правда убил Надю? – подкравшись сзади, произнесла я таинственным шепотом.

Липа вздрогнул, дернулся, листок медленно спланировал под соседнюю парту. Не глядя на меня, он полез его поднимать.

– Тебе Лиза сказала?

– Какое Лиза? Да вся новостная лента этим забита. В «телеге» пишут и по телику показывают. Сеня Липатов собственноручно уколошил училку физкультуры за то, что она называла его хануриком.

Липа обиженно поджал губы:

– Хочешь меня сдать полиции?

– Конечно. Учиться в одном классе с убийцей особо не светит. Вдруг ты и меня прирежешь?

– Ты мне не веришь, да?

– Не-а. – Я уселась на парту так, чтобы не дать возможности ему сбежать раньше времени. – Зачем ты это насочинял? Ты ушел раньше всех. Сразу, как только Надя начала скандалить.

– Я вернулся, – с упрямой настойчивостью сказал Липа.

– Что же было дальше? Мне безумно интересно, как и где ты ее убил.

– На улице, за гаражами. Когда она курить вышла. У меня был ножик.

– В столовой, что ли, стащил?

– Нет. У папы взял. Охотничий.

– Значит, ты прямо с ножиком на репетицию пришел? Охотиться собирался?

– Я его всегда с собой носил.

– Зачем?

– От хулиганов защищаться. Потом выбросил. На следующий день.

– Ну, допустим. А растяжка?

– Я оставил Надю просто на земле. Вернулся в школу руки от крови помыть. И как раз подумал, что нужно труп убрать. Нашел растяжку, вернулся и упаковал ее.

– Так... – Я серьезно покивала. – Упаковал. Очень правдоподобно. А теперь уточни, пожалуйста, где именно ты нашел растяжку.

– Блин! – Липа воинственно вспыхнул. – Ну что ты, как следователь, прицепилась? Нашел и все.

– Нет, не все. Хочешь, чтобы я тебе поверила, говори, где нашел.

– Я не помню.

– Знаешь, почему ты не помнишь? Потому что не нужно трендеть про то, чего не знаешь. Только мешаешь и путаешь всех. Никакой крови на Наде не было. Ее никто не резал. Ясно? Ее задушили, – сказала я это просто так, чтобы осадить Липу, но неожиданно поняла, что на самом деле понятия не имею, как именно ее убили.

Липа скис. От боевого запала не осталось и следа. Но в свое оправдание сказать он ничего не смог, потому что дверь распахнулась и в класс влетела девчонка из десятого класса.

– Микки, тебя все ищут, там твои с Томашем дерутся!

В одно мгновение соскочив с парты, я помчалась, забыв спросить, где это «там». Но пока неслась по лестнице, мне еще трое сообщили о драке. А на первом я столкнулась с завучихой. Она тоже была в курсе. Марат уже вызвал полицию, но Ольга Олеговна все равно требовала, чтобы он шел их разнимать. Охранник лениво пополз на улицу.

Томаш сидел прямо на Филе и давил локтем ему на горло. Пытаясь освободиться, Фил хрипел, а Бэзил время от времени нехотя постукивал Томаша кулаком в спину, чтобы он слез. Возле них скакала Гаврилова и верещала: «Перестаньте!» Остальные наблюдали чуть поодаль. Из-за дождя зрителей оказалось не так уж и много. В первом ряду с недовольным выражением лица стояла Лиза. Похоже, она была возмущена тем, что Фил оказался внизу.

– Ну все, Вася, заканчиваем! – Я схватила Бэзила за куртку. – Марат полицию вызвал.

Эти слова подействовали на Томаша волшебным образом. Он мгновенно отпустил Фила и встал. Отряхнул мокрые колени, вытер руки о штанины, поднял грязный рюкзак и быстро зашагал прочь от школы.

– А ну стоять! – громогласно окликнула его завучиха.

Томаш остановился.

– Разворачивайся и за мной! – приказала она. – И вы оба тоже.

– Какого черта устроили это прямо здесь? – высказала я Бэзилу. – Не могли отойти подальше? Так, чтобы никого не было?

– Все вопросы к нему. – Бэзил кивнул на Фила.

Но тот был взмыленный, злой и очень грязный. Его штаны и куртка сзади промокли насквозь. Волосы перепачкались, на скуле красовалось красное пятно от пропущенного удара. Приставать с расспросами к человеку в таком состоянии явно не стоило.

Их увели в школу: дожидаться приезда полиции. Я тоже хотела остаться с ними, но Ольга Олеговна прогнала меня, как только увидела. Пришлось признать, что ответственность за случившееся лежала на мне, и за свою злую, мстительную выходку мне было стыдно.

Глава 9

В отделение увезли только Фила с Бэзиллом, потому что к приезду полиции Томаш сбежал и никто не видел как. Такой расклад был парням на руку. Оба написали, что Слава напал на них, поскольку заявления от него не было, виноватым оказался именно он. За парнями приехала мама Бэзила и забрала их домой. Вот так все обошлось. Только поверженный Фил расстроился. Однако, когда на следующий день Томаш в школу не пришел, он, немного повеселев, принялся рассказывать всем, что сломал ему нос и обеспечил сотрясение. Люди склонны верить красивым байкам гораздо больше, чем собственным глазам. Томаш в последующие дни так и не объявился, и заварушка с дракой постепенно превратилась в историю праведного возмездия, и Фила все считали победителем. Томаш в школе не появлялся, говорить о нем стали реже, а я думать – больше. И мысли эти были уже не о любви, я начала волноваться, ведь за полтора года Томаш не пропустил ни одного учебного дня. Он мог заболеть или получить в драке травму, о которой мы не знали. Сны со зло упрекающей меня Надей возобновились с новой силой. «Это ты во всем виновата!» – Ее обвиняющий голос не умолкал в голове даже днем.

Во вторник я написала Томашу. В среду даже позвонила, однако номер оказался заблокирован, а в пятницу решила на странный шаг, о котором, во избежание распросов, не должны были узнать мои друзья. Сославшись на головную боль, я ушла с географии и отправилась к корпусу средней школы, где училась сестра Томаша Даша. Местный охранник меня знал – его иногда присылали в наше здание на смену Марату.

– Я к Елене Владимировне, – я показала подготовленную заранее папку, – Тамара Андреевна просила передать.

– Какой еще Елене Владимировне? – удивился охранник. – Какой класс?

– Тамара Андреевна просто велела отнести Елене Владимировне.

– А фамилия?

– Без понятия. Могу здесь оставить, – я положила бумаги на стол, – а вы ей передадите.

Охранник со страхом уставился на папку:

– Может, Елене Викторовне?

– Может, и Викторовне. Помню, что-то на «В».

Он снял трубку внутреннего телефона и набрал номер. В том, что он позвонит и скажет обо мне, я не сомневалась, как и в том, что училка, как бы ее ни звали, услышав имя Тамары, согласится, чтобы я к ней поднялась. А там... там по обстоятельствам.

Можно было подождать Дашу возле школы, но в каком она классе, я не знала, а караулить у входа три часа под дождем желания не возникло.

– Шестой «Д», – сказал охранник, – второй этаж, с правой стороны, почти в самом конце.

В ту же секунду прозвенел звонок на перемену, и, только я прошла через турникет, как послышался нарастающий гул. Не такой мощный и низкий, как в нашем корпусе, а яростный и звонкий, словно рассыпавшиеся и раскатившиеся по полу в пустой комнате камушки. По моим прикидкам, Даша должна была учиться классе в пятом. Я поднялась на второй этаж. Мчавшийся с выпученными глазами пацан чуть не сбил меня с ног. За ним гнались две девчонки, влетев в мужской туалет, мальчишка быстро захлопнул дверь, и девчонки с громким возгласом разочарования остановились.

– Привет, – я подошла к ним. – Знаете Дашу Томаш?

Девочки удивленно переглянулись.

– С ней что-то случилось? – спросила одна.

– Просто хочу поговорить. Это насчет ее брата.

– Она в четвертом «Б», но, кажется, болеет. Мы с ней сценку на Новый год вместе репетируем. А сейчас ее нет, и Светлана Сергеевна ищет ей замену.

– А где она живет, кто-нибудь знает?

Подружки замотали головами. Преследуемый ими пацан, крадучись по стеночке, выбрался из туалета, и они, тут же позабыв про меня, бросились за ним. Я отправилась искать четвертый «Б».

– Здравствуйте! – Я подошла к двум учительницам, разговаривающим в коридоре. – Я по поручению Тамары Андреевны, ищу Дашу Томаш. Мы хотели связаться с ее братом, но не можем дозвониться.

– Даша болеет, – сказала одна из женщин, – ее мама звонила мне во вторник. У них грипп, и вся семья вповалку. Передай Тамаре Андреевне, что волноваться не стоит.

Вероятно, так оно и было. Обычный сезонный вирус, тем более в такую погоду. Я и сама никак не могла выздороветь. Озноб, сопли, температура, сырость, туман, лужи, жалкие промокшие люди – и никакого просвета ни на небе, ни в мыслях, ни в чувствах.

Через несколько дней наступил ноябрь. С Лизой мы так и не помирились. К Кощю снова приходил врач и рекомендовал ему лечь в больницу на обследование. Кощю сопротивлялся и ворчал, гоняя меня то в аптеку, то в поликлинику. Отнести его анализы, а точнее банку с мочой, нужно было успеть до школы. На первом уроке писали сочинение, и русичка тысячу раз предупредила меня, чтобы я не вздумала пропускать.

Я неслась по темным утренним улицам как угорелая. Позавтракать не успела. Глотнула холодной воды из чайника, и она, отзываясь колющими спазмами, булькала в желудке. О том, чтобы согреться, речи не шло. Мне уже казалось, что чувствовать себя ужасно – совершенно нормальное состояние. Точно так же, как ходить в вечно влажных ботинках. Влетев в поликлинику, я понеслась на второй этаж, где принимали анализы. Несколько человек закричали мне в спину, что нужно раздеться и надеть бахилы, но мне было не до того. Поставила пластиковую банку с мочой на стол, сунула под нее направление и рванула мыть руки. В туалете пахло моющим средством, в кабинках уборщица домывала полы. Включив воду, я намылила руки и мельком взглянула на нее в зеркало. По виду русская, чуть больше сорока, блеклые русые волосы собраны в хвост, под глазами мешки. Неодобрительно покосившись на мои ноги, она громко стянула резиновые перчатки и, подхватив швабру, ушла. Где-то я ее уже видела. И не в халате и перчатках, а в каком-то более приличном виде, да еще накрашенную, с распущенными волосами. Всю дорогу до школы ее лицо то и дело всплывало у меня перед глазами, а потом, когда за пять минут до звонка я влетела в школьную раздевалку, меня вдруг осенило: это же мама Томаша! Странно, что она уборщица. Томаш всегда выглядел так, будто в деньгах не нуждался. Полдня я не могла перестать думать об этом, а потом решила, что стоит с ней поговорить и выяснить, как ее сын себя чувствует.

На следующий день в то же время я снова пошла в поликлинику. Разделась в гардеробе и даже надела бахилы. Побродила по этажам и зашла во все туалеты, подождала в коридорах, но уборщицы нигде не нашла. Бестолково проболтавшись так минут тридцать, я спустилась в гардероб и уже достала номерок, чтобы получить свою куртку, когда услышала голоса. Кроме гардеробщицы там находились еще две женщины. Одна плакала, а вторая ее утешала.

– Мишка каждый день спрашивает, когда я вернусь. Танечка рассказывает, что он по ночам стал писаться. Да и сама хоть и уверяет, что все хорошо и они справляются, но я-то по голосу слышу, что плохо. Очень плохо. И вот кто я после этого?

– Ты же для них стараешься, чтобы обеспечить нормальное детство. Дочка же должна понимать.

– Говорит, что понимает. Но разве без матери – это нормальное детство? Дети должны быть при матери, а взять их сейчас к себе я никак не могу.

Лица женщин разглядеть удалось мельком, но в том, что плачущая – мать Томаша, сомнений не было.

Получив куртку, я уселась неподалеку на банкетке и стала ждать.

Вскоре она вышла из гардероба. Застегнула на ходу пальто, помахала подругам и вышла из поликлиники. Я отправилась за ней. Миновав дворы, женщина перешла дорогу на светофоре и свернула в продуктовый магазин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.